

ФЕДОР РАЗЗАКОВ

**БОГИНИ
СОВЕТСКОГО
КИНО**

Федор Раззаков

Богини советского кино

«ЭКСМО»

2013

Раззаков Ф. И.

Богини советского кино / Ф. И. Раззаков — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-62426-3

Эти женщины не просто красивы. Они великолепны. Они божественны. Голливуд, глядя на их игру, и восхищался, и недоумевал: как мог советский кинематограф, насквозь пропитанный коммунистической идеологией, с его хронической бедностью и мизерным бюджетом взрастить столь талантливых и самобытных актрис, которые с таким грациозным изяществом затмевали собой разрекламированных американских кинозвезд? Ну кто еще мог сравниться с великолепной Людмилой Гурченко, пронзительной Татьяной Самойловой, крутой Нонной Мордюковой, изящной Вией Артмане, сверкающей Алисой Фрейндлих, милой Еленой Яковлевой и многими, многими другими отечественными актрисами? Они зажгли в небе киноискусства целое созвездие, которое ослепительно сияет до сих пор!

ISBN 978-5-699-62426-3

© Раззаков Ф. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Великолепная Люся (Людмила Гурченко)	5
Забытая звезда (Татьяна Самойлова)	36
Казачка с характером (Нонна Мордюкова)	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Федор Раззаков

Богини советского кино

Великолепная Люся (*Людмила Гурченко*)

Людмила Гурченко родилась в Харькове 12 ноября 1935 года. В семье она была единственным ребенком. Ее отец – Марк Гаврилович Гурченко – в молодости учился в музыкально-драматическом институте, профессионально играл на баяне. Вместе со своей женой – Еленой Александровной Симоновой (когда они познакомились, ей было всего 16 лет и она училась в школе) он выступал как баянист на различных массовых мероприятиях, школьных утренниках. Поэтому, по словам самой Гурченко, она родилась в музыкальной семье.

Вспоминает Людмила Гурченко: «Имя свое я получила за два часа до рождения. Испуганный папа отвез маму в роддом, что был на Пушкинской улице, а сам «на нервной почве» побежал в кино. Тогда на экранах с огромным успехом шел американский приключенческий фильм «Акулы Нью-Йорка»... Герой фильма, красавец Алан, совершает чудеса – спускается по канату с самолета на крышу несущегося поезда, в котором увозят его похищенную возлюбленную, прелестную Люси. После сеанса потрясенный папа примчался в роддом и срочно передал маме записку: «Лель! Детка моя! Если в меня будить орел, назовем Алан. Если девычка, хай будить Люси...»

Семья Гурченко в те годы жила в доме № 17 по Мордвиновскому переулку, в подвальной комнатке. Туда и привезли новорожденную.

В 1941 году, когда грянула война, отец семейства ушел на фронт. Маленькая Люся осталась с мамой в Харькове. 24 октября 1941 года в город вошли фашисты. Как вспоминала Л. Гурченко:

«Главным местом всех событий в городе был наш Благовещенский базар. Здесь немцы вешали, здесь устраивали «показательные» казни, расстрелы...

Я не могла смотреть, как выбивают скамейку и человек беспомощно бьется. Первый раз я еще ничего не знала. Я не знала, что такое «казнь через повешение». И смотрела на все с интересом. Тогда мне стало нехорошо. Что-то снизу поднялось к горлу, поплыло перед глазами. Чуть не упала. Потом я уже все знала... Я боялась повторения того состояния. Я уткнулась лицом в мамин живот, но вдруг почувствовала, как что-то холодное и острое впивается мне в подбородок. Резким движением мое лицо было развернуто к виселице. Смотри! Запоминай! Эти красивые гибкие плетки, похожие на театральный стек, мне часто потом приходилось видеть. Их носили офицеры.

Тогда мне было шесть лет. Я все впитывала и ничего не забыла. Я даже разучилась плакать. На это не было сил. Тогда я росла и взрослела не по дням, а по часам».

15 февраля 1943 года Харьков наконец был освобожден Красной Армией. Однако уже через две недели немцы вновь захватили город. Их власть после этого продержалась до 23 августа. А 1 сентября Людмила пошла в первый класс 6-й харьковской школы. Что вспоминает она о тех днях?

«Маме было не до меня. Жива, здорова, не болею – это главное. А что там у меня внутри – этим никто не интересовался. Маме я была непонятна. А если и понятна, то сильной схожестью с папой, которая ее раздражала. «Оба идиоты», – вырывалось у нее...

Мама устроилась в кинотеатр имени Дзержинского работать ведущей «джаз-оркестра», который играл публике перед сеансом. И я после школы – в кино. С собой приводила полкласса. Фильмов было мало. Их так подолгу крутили, что, бывало, один и тот же фильм мы

смотрели раз по пятьдесят! Сколько раз я видела фильмы «Аринка», «Иван Грозный», «Истребители», «Два бойца» и, конечно, «Большой вальс»!

Первый раз после этого фильма я поняла, что мама была права, когда говорила папе, что «Люся – девочка некрасивая». Да, она права. Все так. Карла Доннер мне показалась такой чудной! Я поняла несовместимость своих «полетов» и реального отражения в зеркале. На время я даже перестала подходить к нашему «волнистому» зеркалу...

Осенью 1944 года 9-летняя Люся Гурченко сдавала экзамен в музыкальную школу имени Бетховена. На экзамене она спела строгим экзаменаторам две песни: «Про Витю Черевичкина» и «Встретились мы в баре ресторана». Ее выступление было настолько трогательным, что преподаватели единогласно зачислили ее в первый класс музыкальной школы.

В сентябре 1945 года в родной Харьков с фронта вернулся отец Люси. Вот как она сама вспоминает тот день:

«Все эти годы я ждала папу, столько раз по-разному рисовала себе его приезд с фронта. А теперь все – его голос, и его поза, и серая ночь, и жалкая, испуганная мама – все-все-все не соответствовало чуду, которое я связывала со словом «папа».

Схватил меня на руки, подбросил в воздух: «У-у! Як выросла! Якая богинька стала, моя дочурочка. Усю войну плакав за дочурку...» И залился горькими слезами, «что мою дочурку, мою клюкувку мать превратила в такого сухаря, в такую сиротку».

Отец Гурченко устроился работать сначала завхозом в библиотеку имени В. Короленко, а затем вспомнил прошлое – взял в руки баян и стал выступать с концертами.

Летом 1953 года Гурченко окончила 10 классов в 6-й харьковской школе и собралась поступать в местный театральный институт. Однако отец настоял на том, чтобы его дочь поступала в театральный только в Москве. «Иди вжарь як следует, – заявил он дочери. – Никого не бойся. Иди и дуй свое!» Так 17 лет от роду героиня нашего рассказа оказалась в столице.

«Мы вышли на площадь Курского вокзала, – вспоминает она те дни. – Я двигалась в каком-то нереальном, заторможенном состоянии, оглядываясь по сторонам, ревниво отмечая столично-провинциальные контрасты. Метро! О, сколько я о нем слышала! И в хронике видела...

Доехали до станции «Комсомольская». На Ярославском вокзале сели в электричку, сошли в Мамонтовке, где в деревянном домике находилось общежитие ВГИКа. И только здесь с ужасом обнаружили, что в поезде, «под головой», я оставила свою крокодиловую сумку. Вот и вся моя деловитость. Помню интонацию проводника: «Товарищи, наш поезд...» Помню, как душа подпевала торжественной музыке, которая грянула при въезде в Москву и вызвала счастливые слезы... А то, что паспорт, аттестат, деньги остались под подушкой – разве это главное? Жалко было только одного папиного подарка – бронзового зеркала с ангелом.

На вокзале мы долго искали дежурного. Потом составили подробную опись всех вещей, находящихся в сумке. А потом нам ее вручили – все на месте...» (Сегодня бы вряд ли что-то вернули – не те времена. – Ф. Р.)

Экзамены Гурченко решила сдавать сразу в три института одновременно: во ВГИК, в Щукинское училище и в ГИТИС (на курс оперетты). В последнем она успешно прошла два тура, однако дальше решила не идти. Как она сама затем призналась: «Мне было ясно, что я там уже не появлюсь. Я там не та, теряю свободу. Теряю свою индивидуальность».

Так же блестяще, как в ГИТИСе, она сдала экзамены и в двух других институтах: в «Щуке» и во ВГИКе. Вот что она пишет об этом:

«Когда же секретарша во ВГИКе вышла с несколькими экзаменационными листочками и я услышала свою фамилию... О! Такого счастья не может быть – была первая моя мысль. Наверное, это моя счастливая однофамилица. Но вот второй раз я услышала свою фамилию. Нет, вроде ошибки нет...

Мне теперь кажется, что это было самое счастливое мгновение в моей жизни! Когда все самое прекрасное, доброе, светлое, чистое, романтическое, оптимистическое слилось воедино и вместились в одной короткой фразе: я стала студенткой Института кинематографии! Сбылась мечта!»

Будучи с детства достаточно влюбчивой, Гурченко и во ВГИКе не изменила этому правилу. Тем более что выбор в институте был богат – «чернявых орлов» было хоть пруд пруди, поэтому она влюблялась буквально на каждом шагу. Прошел красавец – сердце тут же екало! Однако все эти увлечения были из разряда мимолетных. И только на втором курсе к ней пришло настоящее чувство – она влюбилась в молодого (32 года), но уже известного кинорежиссера Василия Ордынского. Тот даже собирался снимать ее в главной роли в фильме «Человек родился» (ее партнером должен был стать Олег Ефремов), но в дело вмешались интриги. В итоге эти роли достались другим актерам – Ольге Бган и Владимиру Гусеву. После этого роман Гурченко и Ордынского закончился.

В своем первом художественном фильме Гурченко снялась в том же 1955 году, когда училась на 2-м курсе ВГИКа. К тому времени почти все ее однокурсники уже успели сниматься как в главных, так и в эпизодических ролях, и лишь Гурченко «простаивала». И тогда ей помогла жена Сергея Герасимова Тамара Макарова. В 1955 году режиссер «Ленфильма» Ян Фрид пригласил Макарову на главную роль в фильм «Дорога правды», и она, давая согласие на эту роль, упростила режиссера попробовать снять и талантливую студентку ВГИКа. Так 20-летняя Гурченко снялась в роли 18-летнего агитатора Люси. Когда в 1956 году фильм вышел на широкий экран и дошел до Харькова, родители Людмилы буквально не вылезали из кинотеатра, с восторгом взирая на экран, где в трех маленьких эпизодиках мелькала их дочь-артистка.

В том же самом году на экраны страны вышел фильм режиссера Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь», в котором Гурченко сыграла свою самую знаменитую роль – клубного работника Леночку Крылову. Однако дорога к этой роли была отнюдь не ровной. Вот как об этом вспоминает сама Гурченко:

«На эту роль пробовалось много актрис. На пробе я исполнила песню Лолиты Торрес из фильма «Возраст любви». Я так ее копировала, что, если закроешь глаза, не отличишь, кто поет – Лолита Торрес или я. Это всех приводило в восторг, а меня еще больше.

Но кинопробы я не прошла. Обо мне на худсовете не было и речи. Роль Леночки начала другая актриса... (Людмила Касьянова. – Ф. Р.)

Я шла по коридору студии «Мосфильма». На лице у меня было написано: «Все хочу, все могу, всех люблю, все нравятся». Навстречу шел Иван Александрович Пырьев. Я еще больше завихляла, еще выше задрала подбородок. Пырьев поднял голову, увидел меня, поморщился, а потом лицо его заинтересованно подсобралось, как будто он увидел диковинного зверька.

– Стойте. – Он развернул меня к свету. – Я вас где-то видел.

– Я пробовалась в «Карнавальная ночи».

– А-а, вспомнил. Вы пели.

– Из «Возраста любви». Сама! – тут же добавила я, боясь, вдруг он подумает, что я пела под чужую фонограмму.

– Пела хорошо. А зачем ты так гримасничаешь?

– Ну...

Мы еще постояли, глядя друг на друга. Я нервно переминалась с ноги на ногу, а Пырьев очень серьезно и внимательно глядел на меня.

– А ну, пойдём.

Быстрым шагом он устремился вперед, а я вприпрыжку за ним. Мы пришли в третий павильон. Здесь стояла маленькая декорация радиоузла – сцены, где Гриша Кольцов признается Леночке Крыловой в любви. Съёмки не было. Снова срочно искали актрису на роль Леночки. Почему расстались с актрисой, принятой на роль раньше, – так и не знаю. В пави-

льоне почти никого не было. Пырьев подошел к главному оператору: «Вот актриса. Ты сними ее получше. Поработай над портретом – и будет человек».

Вот так я, нежданно и неслыханно, попала в картину, где не прошла пробы...»

Фильм «Карнавальная ночь» был дебютом в художественном кино Эльдара Рязанова. До этого он снимал документальные фильмы. Как признавался сам режиссер, Ивана Пырьева он панически боялся, старался никогда ему не перечить. Но когда тот предложил ему снять «Карнавальную ночь», Рязанов попытался было взбрыкнуть. Четыре раза он пытался спрыгнуть с подножки этого «карнавального поезда», однако каждый раз Пырьев настойчиво возвращал его к исходным позициям. Когда съемки фильма застопорились из-за отсутствия главной героини, Рязанов грешным делом подумал, что на этот раз его точно отпустят. Но Пырьев привел Гурченко (он же привел и Игоря Ильинского, сыгравшего роль бюрократа Огурцова), хотя совсем недавно он же был первым, кто ее забраковал. Но тогда пробы актрис были доверены молодому оператору, и на этих пробах Гурченко показалась всем танцующим уродцем. Теперь же Пырьев познакомился с ней лично и разглядел в ней нечто особенное. К тому времени молодого оператора из группы убрали и его место занял более опытный мастер – Аркадий Кольцатый. Съемки возобновились.

По словам самой Гурченко: «Было ли у нас «на заре туманной юности» взаимопонимание с Рязановым? Нет. Не было. Наоборот. Было неприятие. Ему категорически не нравились мои штучки-дрючки. А мне категорически – его упрощенное, «несинкопированное» видение вещей. Я млела от чувственных джазовых гармоний. Ему нравились песенки под гитару: «Вагончик тронется, перрон останется». Антиподы? Хотя работали нормально, если не считать нескольких вспышек раздражения, которые я вызвала у режиссера своей манерностью. Работали без пылкой любви, что вполне нормально в отношениях режиссера и актера... Поработали и разошлись. А потом сами были удивлены, что «Карнавальная ночь» имела такой ошеломительный успех».

Искрометная комедия стала лидером проката 1956 года (1-е место), собрав на своих просмотрах почти 50 млн зрителей. В те дни актриса снимала маленькую комнату в двухкомнатной квартире рядом с площадью Маяковского. Вспоминая те дни, она пишет:

«Как люди узнают номер телефона? Никому не сообщала, а звонки со всех предприятий, филармоний, фабрик, заводов. Звонят журналисты, зрители, поклонники, местком, профком, милиция. Телефон трещал сутками. Я потеряла сон. Перетащила свою кровать ближе к коридору, чтобы тут же схватить трубку и в полусонном состоянии, не соображая, куда, чего, кому, сказать сдавленным голосом: «Да, да, я согласна. Буду обязательно!» Я чувствовала, что теряю разум, силы, память... Так долго не протяну. Нужно куда-то исчезать. А ведь это только-только вышла на экраны веселая комедия. Она еще даже не начала «набирать». А уже по первому кругу проката побила по сборам все известные рекорды...

Сейчас, через время, я воспринимаю себя шахматной фигуркой, которую переставляют на доске, она или теряет достоинство, или вдруг резко приобретает его, в зависимости от точно сделанного хода. Тогда я занимала самое высокое место на своей жизненной шахматной доске. Больше так единодушно публика меня не принимала никогда. Сцена Колонного зала была в весенних цветах. Песни исполнялись несколько раз, из зала меня выводили тайком – через ту дверь, где актеров публика не ожидает. У центрального входа собралась огромная толпа людей. Когда же я благополучно вышла на Пушкинскую площадь, кто-то крикнул: «Да вон же она!» От моего бархатного платяца с беленьким воротничком в горошек, как говорится, остались ключья. И так, с неослабевающим накалом, – целых полтора года...»

Однажды, в один из тех счастливых для нашей героини дней, ее пригласили на торжественный прием в Кремль. Вот как она об этом вспоминает:

«Из правительства я лично никого не знала. Фурцеву видела один раз, когда меня пригласили в Кремль на банкет. Ничего «банкетного» у меня, естественно, не было, и я наряди-

лась в платье из «Карнавальная ночи» – я его выкупила после съемок. Пришла, Фурцева на меня посмотрела так, что я мгновенно сообразила: немедленно исчезать и больше на таких «тусовках» никогда не показываться...»

На волне этого успеха Гурченко в 1957 году принимает предложение режиссера Александра Файнциммера сняться в главной роли в фильме «Девушка с гитарой». Однако, несмотря на то, что сценаристами его выступили все те же Ласкин и Поляков (они работали вместе и на «Карнавальная ночи»), повторить успех предыдущего фильма ни им, ни исполнительнице главной роли не удалось. Хотя кассовые сборы ленты были вполне впечатляющими: 10-е место, 31,9 млн зрителей.

Во время съемок «Девушки с гитарой» с актрисой случилась неприятная история. Дело в том, что за свои многочисленные выступления в различных аудиториях она получала деньги, которые не считались официальной зарплатой. Отказаться же от них актриса не могла, так как стипендию в институте не получала, концертной ставки пока не имела и денег от родителей получала ровно столько, чтобы заплатить за квартиру. Поэтому, как она сама пишет: «Если учесть, что такие бесставочники, как я, оплачиваются месяца через два после выступления, а голубой конверт вручается тут же, после концерта, то меня тогда эти два десятка голубых конвертов здорово поддержали».

Но так думали не все. В один из дней 1958 года газета «Комсомольская правда» опубликовала на своих страницах фельетон Бориса Панкина и Ильи Шатуновского под броским названием «Чечетка налево», одной из героинь которого была Гурченко (там же упоминались и другие звезды отечественного кино: Сергей Мартинсон, Михаил Кузнецов, Константин Сорокин). Приведу лишь отрывок из этой статьи, касаемый нашей героини:

«Еще год назад комсомольцы Института кинематографии предупреждали увлекшуюся легкими заработками Людмилу Гурченко. Ее партнеров наказали тогда очень строго, с Людмилой же обошлись мягко: все-таки талантливая, снималась в главной роли, неудобно как-то. Снисходительность товарищей не пошла молодой актрисе впрок. Для виду покаявшись, она вскоре снова отправилась в очередные вояжи. Концерт в клубе шпульно-катушечной фабрики... Концерт в Апрелевке. Концерт в Дубне... И в помине нет уже у начинающей двадцатидвухлетней артистки робости перед зрителем, того душевного трепета, который переживает каждый настоящий художник, вынося на суд зрителей свое творчество.

Какое уж тут творчество! Людмила снова и снова рассказывает эпизоды из своей биографии, а так как говорить-то ей, собственно, пока не о чем и сделано ею еще очень мало, она дополняет этот рассказ исполнением все тех же песенок из кинофильма «Карнавальная ночь».

Смысл ее выступлений, по существу, сводится лишь к следующему: «Вот она я... Ну да, та самая, которая в «Карнавальная ночи»... Помните?»

Увлечшись этим странным видом искусства, Людмила Гурченко словно и не замечает, что устраивают ей эти концерты, возят из клуба в клуб, рекламируют и поднимают на щит проходимцы типа Левцова...

В погоне за наживой, выступая в сомнительном окружении, он (артист) только позорит свое имя. И особенно обидно за того молодого, способного артиста, чья слава исчисляется пока лишь какими-нибудь пятью минутами и которую так легко растерять, разменять на пустяки. Ему кажется, что, получив лишние пятьдесят рублей, он стал богаче. На самом же деле он только обокрал и себя, и свой талант. А этого ни за какие деньги не вернешь...»

Чуть позже выяснится, что журналисты действовали не по своей воле, а по команде «сверху». Вот как об этом вспоминает сама Гурченко:

«Пятьдесят седьмой год. Международный фестиваль молодежи. Многих молодых людей из театральных вузов тогда вербовали для работы с приезжими иностранцами. Я на это не пошла, и меня просто уничтожили... Господи, да в этих «левых» концертах участвовало столько людей, таких известных! Но сосредоточились на мне. Я долго не могла понять причин,

связать это с тем отказом. Когда вырастешь в святом семействе в Харькове, трудно понять такие вещи, с которыми потом соприкасаешься...»

Заметим, что статья в «Комсомолке» была не единственным «выстрелом» по Гурченко. Почти одновременно с ней в журнале «Советский экран» была помещена обидная карикатура на молодую актрису. Одним словом, после оглушительного успеха молодая актриса тут же испытала и оглушительный провал. В итоге, чтобы спрятаться от гнева своих недавних почитателей, актриса на время уехала из Москвы – сначала к родителям в Харьков, а оттуда – в Сочи. В разгар этих событий на экраны страны и вышел фильм «Девушка с гитарой».

Таким образом 1958 год запомнился актрисе с разных сторон, как положительных, так и отрицательных. В том же году она закончила ВГИК, однако в столице продолжала жить на «птичьих» правах. Прописку ей долго не делали. Ее распределили на «Мосфильм», но из-за отсутствия прописки работу не давали. После газетного фельетона прекратилась ее концертная деятельность, и денег катастрофически не хватало. Чтобы не вылететь из Москвы, Гурченко упростила одного начальника прописать ее на три месяца домработницей.

Тогда же изменилась и личная жизнь нашей героини – она вышла замуж за студента сценарного факультета ВГИКа Бориса Андроникашвили (р. 1934), сына репрессированного в сталинские годы писателя Бориса Пильняка. О своем знакомстве с этим человеком Гурченко напишет следующее:

«С детства я влюблялась на всех перекрестках и во всех киногероев, если «в него были зубы як мел, усы як у Буденага». Короче, во всех «чернявых орлов». В институте влюблялась на каждом этаже. Прошел красавец – сердце ек! Но быстро разочаровывалась. И вдруг влюбилась. Влюбилась по уши, по-настоящему...

Конечно, с этим молодым человеком мы подходили друг другу, как поется в песне: «Мы с тобой два берега у одной реки». Это с теперешней колокольни. А тогда... Несмотря на свою изысканную внешность, от которой не ждешь ничего глубокого, это был сложный человек с набором неординарных качеств – больших и малых. Все карманы его были забиты редкими книжками вперемежку с газетами и журналами. Читал все на свете. Обладал особым чувством юмора. Считал, что его личная самокритика самая точная и оригинальная. Отличался музыкальностью, мужским обаянием. В нем для меня было недостижимо все. И наоборот. К моей профессии он относился с иронией. Музыкальную картину-комедию считал зрелищем, далеким от искусства. Ну а успех у публики... Когда я залезала не в свою сферу, интересовалась его сложной сценарной профессией, меня поражало, сколько иронии вызывал в нем мой прыжок из легкомысленной примитивной актерской жизни в его таинственный мир... Он как-то талантливо умел жить рядом, будучи на своем берегу. С невероятной силой воли нужно было учиться жить в одиночестве вдвоем...

С моим папой они были антиподами. Не симпатизировали друг другу с первой минуты. Всю дипломатическую сторону отношений на себя приняла мама...»

Весной 1959 года Гурченко приехала в родной Харьков к родителям. Она была на последнем месяце беременности и хотела родить ребенка на родине, в кругу своих домашних. Однако и там слава о ней была нелестной. Актриса вспоминает: «Когда я попала в роддом, роженицы разделились на тех, кто любит меня и кто не любит. После статей нелюбивших меня было подавляющее большинство. Пришлось уйти в другую палату...»

Наша героиня мечтала о мальчике (даже имя ему придумала – Марк, в честь отца), однако 5 июня 1959 года на свет появилась девочка. Назвали ее Машей.

Рождение ребенка не поставило крест на кинокарьере Гурченко, потому что дочь осталась с бабушкой и дедушкой в Харькове. Актриса продолжала активно сниматься, причем в фильмах, которые уже не имели никакого отношения к тем легким комедиям, в которых ей приходилось работать совсем недавно. Да и киностудии это были в основном не столичные, а периферийные. Так в начале 60-х она снялась в следующих фильмах: т/ф «Пойман-

ный монах» (1960; Изабелла), «Балтийское небо» («Ленфильм», Соня Быстрова), «Роман и Франческа» (Киностудия имени А. Довженко, главная роль – Франческа Карродини), «Гулящая» (Киностудия имени А. Довженко, главная роль – Христина Притыка) (все – 1961). Последний фильм оказался самым удачным по части «кассы» – занял 13-е место в прокате, собрав 27,8 млн зрителей.

Единственным столичным режиссером, кто не побоялся пригласить тогда Гурченко в свою картину, оказался все тот же Эльдар Рязанов, который снял ее в небольшой роли (Лена) в своей комедии «Человек ниоткуда» (1961). А в год выхода фильма на экран (май 61-го) Гурченко имела прекрасную возможность сыграть у Рязанова главную роль и, вполне вероятно, взлететь на новую ступеньку в своей «звездной» карьере. Режиссер пригласил ее пройти пробы к фильму «Гусарская баллада». Однако та проба получилась скверной. Как вспоминает сам режиссер, Гурченко была почему-то несобранной, путала текст, играла крайне неуверенно. Но Рязанов не знал, что эти пробы совпали с тяжелым периодом в личной жизни актрисы, иначе он был бы к ней снисходительнее. А так ее поблагодарили за участие и сказали, что на роль она не подходит. В фильме снялась Лариса Голубкина.

Тяжелый период в жизни Гурченко был связан с переживаниями личного характера – ее первый официальный брак шел к своему логическому концу. Точка в нем была поставлена в 1962 году. Как напишет позднее сама актриса:

«Поразительно, как долго я не могла постигнуть, что, начиная с головы и кончая кончиками пальцев – отсюда и досюда, – человек не мой. Прекрасен, но чужой. Очень, очень трудно понять самой, а еще труднее объяснить другому, как кончаются долгие отношения. Страстно хотелось счастья, и это было мое несчастье...

До сих пор невозможно понять и поверить, что такому умному, тонкому человеку, самому выросшему без отца, легко далась фраза: «Ну что ж, она будет расти без меня... У нее ничего от меня не будет... собственно, это уже будет не моя дочь». Испытание своей силы? Игра в мужественного супермена в двадцать шесть лет...».

После развода Гурченко досталась 13-метровая комната в общей квартире на первом этаже многоэтажного московского дома на одном из проспектов. Сюда из Харькова вскоре была привезена и трехлетняя дочка Маша, которая в столицу ехать откровенно не хотела. Со стариками она чувствовала себя куда как свободней и веселее. По словам актрисы:

«Боролись мы долго – кто кого. До изнеможения. Несколько ночей мы почти не спали. Тупо смотрели друг другу в глаза. И молчали. Потом враз обе, обессиленные, уснули. Я в кровати. Она в кресле. Из протеста не ложилась в кровать. Ведь кровать – это все-таки этап смирения. Кровать – это уже что-то окончательное. Ранним утром я открыла глаза. На меня был устремлен чистый и ясный взор моей ох какой загадочной дочери: «Мамочка, я хочу питиньки».

В 1963 году Гурченко устроилась на работу в театр «Современник», один из самых популярных в стране. Попала она туда случайно. Как-то на улице она встретила актрису Ниной Дорошиной, с которой однажды познакомилась на «Мосфильме». Как оказалось, Дорошина работала в «Современнике» (он тогда находился на площади Маяковского) и снимала ту же комнату в той же квартире, где несколько лет назад жила Гурченко. Дорошина и пригласила ее на работу в свой театр (Гурченко стала ее дублером в спектакле «Назначение»).

Летом того же года режиссер с «Таллинфильма» Юлий Кун пригласил Гурченко на главную роль в своем фильме «Укротители велосипедов». Партнером актрисы в этом фильме был Олег Борисов, с которым Людмила уже однажды встречалась на съемках фильма «Балтийское небо». В этой веселой музыкальной комедии, съемки которой проходили в Риге, они должны были изображать влюбленных. Как вспоминала актриса:

«Пробы не было. Меня вызвали, чтобы заменить опять же молодую, неопытную «зелень». А то бы не попасть мне в картину в то время, да ни за что на свете. Картина была уже на полном ходу...»

Судя по мемуарам Михаила Козакова (он тоже работал в «Современнике»), его коллега Игорь Кваша в то время внезапно увлекся Гурченко, даже выбрал ее себе в партнерши в спектакле «Сирано». Во время гастролей театра в Саратове Кваша даже объявил друзьям, что собирается жениться на Гурченко, хотя в тот момент был уже несколько лет женат. Однако новой свадьбы так и не случилось: Кваша остался со своей женой, а Гурченко вскоре вышла замуж за другого человека.

Им оказался Александр Фадеев-младший – сын писателя Александра Фадеева и актрисы Ангелины Степановой. Он тоже был актером (закончил Школу-студию МХАТ), однако мало-везучим. Из Театра Советской Армии, где он служил, его выгнали, после того как он отказался задержаться несколько лишних минут на репетиции.

Общая профессия так и не сможет объединить супругов. Их женитьба совпала со сложным периодом в карьере обоих – их редко приглашали сниматься. Но если Гурченко умела «держат удар», то Фадеев, увы, этим качеством не обладал. К тому же он приобщился к спиртному. По словам близко знавшего Фадеева-младшего писателя Александра Нилина:

«Фадеев ни в малой степени не интересовался ни литературой, ни искусством. Достоинства, несомненно ему присущие, лежали совершенно в иной области. Однако самое удивительное, что проявил он себя в полном блеске именно в кругу артистов и прочих деятелей художественного мира.

Ареной ничего не стоящего ему самоутверждения оказался ресторан ВТО, и в 60-е годы, когда автора «Молодой гвардии» уже не было на свете, фамилия Фадеев практически ежедневно звучала, не перекрываемая громкостью других фамилий, находившихся в то время у всех на слуху...

Пока другие дети знаменитостей доказывали, он – заказывал. И не одной выпивкой и закуской ограничивался его заказ – он заказывал как бы музыку жизни, взвихренной вокруг занимаемого им ресторанного столика... Я обожал вместе с ним бывать в ВТО... Для официанток он безоговорочно был клиентом номер один. Ни один человек в мире искусства не умел с такой широтой тратить деньги в ресторане, как Шура. Это вполне искупало его абсолютную неспособность их зарабатывать. Годам к тридцати он остался вовсе без средств к существованию. И больше в ВТО не ходил: на халяву он не пил никогда...»

Брак с Фадеевым-младшим оказался для Гурченко несчастливим. Муж пил, да еще и изменял ей при первой же возможности. Например, летом 66-го, во время съемок в фильме «Вертикаль», он закрутил роман со своей партнершей – актрисой Ларисой Лужиной. Естественно, слухи об этом романе дошли и до ушей Гурченко. И она предпочла сама уйти от Фадеева, написав ему на прощание письмо, где заявила открытым текстом: «Пусть теперь эта дурочка Лужина тебя облизывает и одевает!»

Кстати, уже очень скоро и Лужина сбежит от Фадеева, поскольку тот продолжал пить и в пьяном виде становился попросту невменяемым. Например, он брался за охотничье ружье и палил из него в потолок. Однажды Лужина попыталась вырвать у него из рук ружье, и то выстрелило, едва не убив актрису. После этого она решила: хватит! Но вернемся к Гурченко.

В «Современнике» она проработала до 1966 года и как актриса не нашла себя в нем. По ее же словам: «Нет, не нужна я этому театру. Что-то во мне их раздражает. Я не прижилась, хотя ни разу не слышала в свой адрес – бесталанна...»

В театре я прошла прекрасную школу жизни. Научилась терпеть и не чувствовать себя обиженной. В театре я поняла, что я далеко не чудо. А главное, утроила желание трудиться, трудиться до изнеможения. После такой школы жизни уже никогда не потеряешь реального

представления о себе. И уж точно никогда не заболеешь «звездизмом». И больше тебе ничего не страшно...»

В конце 60-х Гурченко сделала еще одну попытку связать свою судьбу с театром. На этот раз она попробовала устроиться в Театр сатиры. Однако на прослушивании она почему-то «не показалась» членам жюри, и в театр ее не взяли.

В 1965 году на экраны страны вышел фильм «Женитьба Бальзаминова», где Гурченко сыграла небольшую роль Устиньки. А в следующем году зрители увидели сразу две картины с ее участием: «Строится мост» (Женя; в этом фильме снималась почти вся труппа «Современника») и «Рабочий поселок» (главная роль – Мария Плещеева). Именно в последнем фильме наша героиня сыграла одну из лучших своих драматических ролей. Ее партнером по фильму вновь был Олег Борисов, сыгравший мужа Марии Леонида Плещеева. По сюжету муж вернулся с фронта ослепшим и никак не мог вписаться в мирную жизнь. На этой почве в семье начались скандалы. В конце концов Мария не выдерживала и, взяв с собой сына-подростка Леньку, уходила от Леонида. Однако сын так любил отца, что по дороге сбежал от матери и возвращался к своему слепому родителю.

Казалось бы, что после этого успеха предложения играть подобного рода драматические роли должны были посыпаться на Гурченко со всех сторон. Но этого не произошло. И в следующие несколько лет она снялась в ролях из разряда проходных. Так, в шпионском боевике «Взорванный ад» (1967) сыграла немку Грету, а в мелодраме «Нет и да» (1968) – свою современницу Люсю Кораблеву (главная роль).

Чтобы компенсировать эту невостребованность, Гурченко в 1966 году поступила в штат Госкоцарта и стала ездить по стране с концертами: пела, читала стихи, исполняла отрывки из различных спектаклей. Однако и эта работа не смогла уберечь актрису от приступов тяжелой депрессии. Как она сама признается, бывали в ее жизни и такие черные периоды:

«Август 1969 года. Это конец всяким возможным силам воли, терпениям и надеждам. Вот уже почти месяц я не выходила на улицу. И только из угла в угол по комнате – туда и обратно. Когда только выхожу из своей комнаты, родители бросаются в кухню. И я понимаю, что это мое хождение ими прослушивается. От этого становится совсем тошно. Я перестаю ходить. Начинаю смотреть в окно... Я никогда ни к кому не обращалась за помощью, только к родителям. Но сейчас, первый раз в жизни, от их немых, беспомощных, сочувственных взглядов хочется бежать на край света...»

Однако и этот кризис в жизни актрисы миновал. В том же 1969 году ей наконец было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР. И еще – тогда же она вышла замуж за певца Иосифа Кобзона, с которым познакомилась во время своей активной эстрадной деятельности – в 1967 году. По словам певца:

«Тот период был для Людмилы достаточно тяжелым. Она пребывала в жуткой депрессии – ее популярность сильно упала. Но тем не менее Гурченко оставалась Гурченко. Она пробовалась в один театр, в другой. Со съемок возвращалась с истерикой. И каждая из них почему-то заканчивалась словами: «Это невозможно! Не успеешь заявить о своем желании сняться или сыграть роль, как тебе сразу же лезут под юбку и тащат в ресторан!» Она очень болезненно реагировала на такие вещи, они ее унижали. Вот в такой момент я и подставил ей плечо...»

Молодые жили в двухкомнатной квартире Гурченко, а свою жилплощадь на проспекте Мира Кобзон отдал родителям и сестре, переехавшим с Украины в Москву. В течение трех лет звездная чета состояла в гражданском браке, после чего решила узаконить свои отношения. Произошло это в январе 1969 года, во время их гастролей в Куйбышеве. Как гласит легенда, на это решение повлиял инцидент, который произошел в гостинице «Волга»: там Кобзон и Гурченко отказались прописываться в одном номере, мотивируя это тем, что у них нет штампа в паспорте. На директора гостиницы Якова Хазова не подействовали даже уговоры тогдашнего руководителя куйбышевской филармонии Александра Блюмина. Тогда Иосиф и принял решение

немедленно зарегистрировать брак с Людмилой. Произошло это в стенах все той же филармонии. Свидетелем со стороны жениха выступил Блюмин, а вот у Гурченко свидетеля не было вовсе. Говорят, когда служащая ЗАГСа хотела сделать соответствующую пометку в паспорте невесты, в ее документе не обнаружилось двух листков с графой «семейное положение». По требованию сотрудницы невесте пришлось лезть в сумочку и доставать эти листки на свет.

Однако прошло чуть меньше года после похода в ЗАГС, как супруги разлетелись в разные стороны. Почему? Сама Гурченко говорит на этот счет более чем откровенно:

«Если спускаешься к машине, которую тебе подарил муж, и видишь там уличную проститутку, – разве может идти речь о ревности? Это просто грязь. В браке с Кобзоном ничего хорошего не было. Он умел сделать мне больно. Начинал подтрунивать: «Что это все снимаются, а тебя никто не зовет?» После этого брака я осталась в полном недоумении, и мне открылись такие человеческие пропасти, с которыми я до того не сталкивалась, и больше никому не позволю это с собой проделать!..»

О том, какими сложными были взаимоотношения двух звезд, вспоминает очевидец – поэт-песенник Павел Леонидов: «Тот старый Новый год у меня в тумане. Я напился, и меня забрала к себе домой Гурченко. Ее дочка Маша была у Люсиной матери, кажется. С нами поехали еще Сева Абдулов и Володя Высоцкий...»

Меня уложили в небольшой приемной-гостиной-спальной, то есть в одной комнате, а в другой остались трепаться Люся, Сева и Володя. Потом я услышал крики и скандал. Встал, вышел в коридор и пошел к ним. Кобзона пришлось отодвинуть. Я даже не слышал, как он пришел. А может, у него еще оставались ключи от квартиры? Не знаю. Он уже ушел от Люси, они разошлись, но у него случались такие приступы «обратного хода». Он пришел мириться, но сразу же начался скандал. Кобзон был пьян и оскорблял Люсю. Сева Абдулов, небольшой, мускулистый, мягкий, с открытым добрым лицом, подскочил к Кобзону и ударил его. Я испугался. Иосиф был очень сильный, но он не ударил Севу. Я увидел, как спружинил Володя, как мгновенно напрягся. Ростом он не больше Севы, но силы – страшной. Володя даже не привстал, не шелохнулся, но все и с пьяных глаз почувствовали опасность. Кобзон начал было снова, а потом вдруг сказал: «Пойдем выйдем во двор!» Это было по-мальчишески и очень противно. Здоровенный Кобзон пошел во двор с маленьким слабым Севой. А Володя почему-то сник и не пошел. Он только спросил у Люси, виден ли двор из окна. Она ответила, что виден, и Володя подошел к окну. Мы смотрели, как противники долго о чем-то говорили, потом Сева подпрыгнул и схватил Иосифа за прическу. Мы увидели, что Сева отпустил волосы Кобзона, после чего тот ушел. Его осанка победителя исчезла, он шел, буквально волоча себя под лунным светом. На фоне куч снега он был кучей в кожаном модном пальто...

Сева вернулся, полез в холодильник.

Мы пили еще... Потом Володя сказал, что все это – дерьмо... Никто не спорил. Все устали, но спать не хотелось. Я сказал, что лучше бы никогда не было старого Нового года...

А Володя вещал:

– Люська, ты – дура. Потому что хорошая, а баба должна быть плохой. Злой. Хотя злость у тебя есть, но у тебя она нужная, по делу. А тебе надо быть злой не по делу. Вот никто не знает, а я – злой. Впрочем, Сева и Паша знают... Сева лучше знает, а он старше, – показал на меня и скривил лицо, – потому и позволяет себе роскошь не вглядываться в меня. Десять лет разницы делают его ужасно умным и опытным. А если бы было двадцать? Разницы! У Брежнева со мной сколько разницы? Так он меня или кого-нибудь из нашего поколения понять может? Нет! Он свою Гальку понимает, только когда у нее очередной роман. Ой-ой-ой! Не понимает нас Политбюро. И не надо. Надо, чтобы мы их поняли. Хоть когда-нибудь...»

Интересно, что если Гурченко вспоминала о трех годах совместной жизни с Кобзоном с плохо скрываемым раздражением, то певец, наоборот, с удовольствием. По его словам:

«Мне нравилось, что я обладал такой красивой, известной актрисой, как Гурченко. Я получал удовлетворение от того, что, вернувшись с гастролей и заработав там денег, мы ходили по ресторанам, празднично вели себя... Я привозил ей подарки, цветы. Все это выглядело так красиво... Мы ведь были, особенно в первое время, потрясающими любовниками! И секс у нас начинался везде, где мы только находили друг друга: в поле, в степи, коридоре, где угодно. Мы были очень увлечены друг другом...

Людмила Марковна – замечательная хозяйка и очень чистоплотная женщина. По дому умеет делать абсолютно все. По крайней мере, случая, чтобы на кухне стояла грязная посуда или в спальне была не прибрана постель, я не припомню... И все же наш брак был для меня не тылом, а скорее фронтом. Мы сами обостряли наши отношения. Ее увлечения, на которые я не мог не реагировать, мои увлечения... Этот взаимный накал страстей неизбежно должен был привести к разрыву. Не менее бурному, чем вся наша совместная жизнь.

Как только мы развелись, Людмила сказала: «Я дожусь момента, когда ты нагуляешься, будешь никому не нужным, больным и старым. Тогда и станешь моим». А я ответил, что она этого не дожидается – такие, как я, не доживают до глубокой старости...»

В первой половине 70-х Гурченко продолжала сниматься в кино, причем в ролях совершенно разных: как серьезных, так и легких, из разряда комедийных. Назову полный список этих фильмов: «Белый взрыв» (главная роль – Вера Арсенова), т/ф «Мой добрый папа» (главная роль – Валентина Николаевна Иванова), т/ф «Эксперимент» (майор милиции) (все – 1970), «Один из нас» (Клава Овчарова), «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» (певичка в ресторане Аграфена Заволжская), «Дорога на Рюбецаль» (Шура Соловьева) (все – 1971), «Тень» (Юлия Джули), т/ф «Табачный капитан» (мадам Ниниш) (оба – 1972), «Карпухин» (Овсянникова), «Летние сны» (главная роль – Галина Назаровна Сахно), «т/ф «Цирк зажигает огни» (Лолита), «Дача» (Лера), «Дверь без замка» (Антонина Ивановна) (все – 1973).

Как видим, ролей было много и, как говорится, на любой вкус. Поэтому говорить о том, что Гурченко тогда пребывала в неизвестности, было бы неверно. Другое дело, что, несмотря на эту востребованность, центральная пресса почти ничего не писала об актрисе Людмиле Гурченко, как будто таковой вовсе не было в природе. Поэтому, когда однажды такая статья все-таки вышла (в журнале «Советский экран»), для актрисы это событие было из разряда эпохальных. По ее собственным словам:

«Фильм «Дорога на Рюбецаль» вышел на экраны, и вот на него в журнале (№ 17, 1971) рецензия. Рецензий впереди будет много, но эту... «я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза...». Она – первая за долгие годы девальвации и забвения. Ведь именно те слова, которые мне были так нужны для того, чтобы убедиться, что избрала верный путь...

На столе стояла бутылка шампанского и фруктовая вода для папы с Машенькой (дочь Гурченко от первого брака. – Ф. Р.). В той статье все, что касалось меня, было жирно подчеркнuto красным карандашом, а на полях стояло несколько крючкообразных старомодных папиных автографов. Аж сердце щемит, когда гляжу на этот старый, драгоценный пожелтевший номер. Папа читал статью уже в десятый раз. Теперь читал ее вслух.

– Так, слушайте, уся моя семья, про дочурку з усем сердцем. «Только эпизод». – Это название. – «Что запоминается в этом фильме? По-моему, несколько эпизодов. И прежде всего отличная эпизодическая роль Людмилы Гурченко». – Это, дочурка, означать, што золото и в... блистить. Тут я з им целиком согласный, а куда против правды денисся? Читаю дальший: – «Велика ли роль, если отпущено актрисе всего два эпизода? Актриса сумела много рассказать о «такой войне» за эти несколько минут на экране. В двух сценах она сумела развернуть целый характер – от низшей границы отчаяния до взлета благородства и решимости. Такая актерская щедрость и убедительность о многом говорят. Во всяком случае, с обидной повторяемостью «голубой певички» для Людмилы Гурченко, я уверен, покончено». – Хочу от

чистага сердца выпить за писателя, товарища Вадима Соколова, какой про мою дочурку написал правду и у самое яблочко. Спасибо тебе, дорогой товарищ, жизнь тебя за ето отблагодарить, ето як закон. Ну, за честь, за дружбу!..»

Не стояла на месте и личная жизнь героини нашего рассказа. В 1972 году, во время работы над фильмом «Летние сны», у нее случился роман с партнером по съемкам, игравшим роль ее киношного мужа – Анатолием Веденкиным. Но их отношения завершились, едва начавшись. И вот уже в 1973 году возле Гурченко появился еще один мужчина, причем еще моложе, чем Веденкин. Речь идет о музыканте Константине Купервейсе, которому суждено будет стать четвертым официальным мужем Людмилы Гурченко. В жизни нашей героини это был противоречивый год. Именно тогда она снялась сразу в трех фильмах, причем две роли были главные (одна из них заставит заговорить о ней весь киношный мир), нашла себе очередного мужа, но потеряла другого любимого человека – своего отца.

Начнем с фильмов. Весной 1973 года Гурченко была утверждена в картины «Открытая книга» В. Фетина (роль Глафиры Сергеевны Рыбаковой) и «Старые стены» В. Трегубовича (роль директора ткацкой фабрики Анны Георгиевны Смирновой). Прогремит на всю страну последняя роль.

Съемки фильмов были в самом разгаре, когда из жизни ушел отец Гурченко Марк Гаврилович. Это случилось в воскресенье, 17 июня 1973 года. Причем ничто в тот день не предвещало трагедии. Накануне ночью актриса находилась в подмосковном Ногинске, где во Дворце культуры снимался один из эпизодов «Старых стен», причем весьма радостный – свадьба. Работу закончили в четыре утра, после чего Гурченко на машине поехала в Москву. Дома она соснула пару-тройку часов, а в девять утра за ней уже приехала другая машина – с «Мосфильма», на которой актриса отправилась на съемочную площадку фильма «Дети Ванюшина». В пять вечера на такси Гурченко вновь мчится в Ногинск, где снимается уже другой эпизод: в нем директор Анна Георгиевна Смирнова, которую она играет, приходит к работницам в старые казармы-общежитие. В нем снимались сами работницы фабрики и только две актрисы.

Съемка закончилась около семи. В начале девятого Гурченко приехала домой, но только прилегла, как зазвонил телефон. Звонил ее отец (они с матерью жили в небольшой московской комнате, которую недавно обменяли на харьковскую квартиру). Он сказал, что очень соскучился по ней (они не виделись пять дней), что сегодня утром у него здорово прихватило сердце и он даже подумал – конец. Но потом принял лекарство, боль отступила, и они с женой даже сходили на выборы (в тот день проходили выборы в местные Советы). Сказав это, отец внезапно стал просить дочь поговорить... с карликовым пинчером Эдиком. Была в их семье такая игра: слыша в трубке голос родного человека, пес отвечал песенными руладами, чем сильно потешал старика. Но на этот раз Гурченко было не до игр с собакой. Она так и сказала отцу:

– Папочка, милый, не могу. Я еле живая. Я же ночь работала, спала три часа, сейчас ничего не соображаю. За день сжевала три пирожка – поесть некогда, а ты со своим Эдиком. Ну нельзя же так, пап, зачем тебе людей собирать, скажут, что мы ненормальные какие-то...

Отец в ответ стал извиняться, видимо, поняв, что позвонил не вовремя. Это было в начале девятого, а в десять вечера Гурченко уже стояла в маленькой комнате родителей. Далее послушаем рассказ самой актрисы:

«На тахте лежал мой папа и чему-то счастливо улыбался. На груди у него стоял ошенившийся, ощеренный Эдик и никого не подпускал к папе и близко. Так мы и стояли: мама, я и Эдик. А папа лежал и улыбался. Умер наш папа. А подойти к нему мы не можем. Эдик был такой воин, такой защитник, такой друг. В людях, которые не чтут собак, есть незнание ощущения, что тебя не предадут никогда. Эдик чувствовал, что случилось непоправимое. Когда же мама исхитрилась и кое-как ухватила его, Эдик вдруг на наших глазах обмяк, сник, стал тяжелым-тяжелым и покорно лег на свое место, глядя на нас пустыми, равнодушными глазами. Да и вообще, он больше никого не любил. Исполнял свои сторожевые обязанности исправно,

иногда «говорил по телефону», но недолго и безо всякого удовольствия. Зарабатывал себе на жизнь, и все. А потом и он ушел вслед за своим любимым хозяином...»

А теперь самое время рассказать о новом избраннике Гурченко – музыканте Константине Купервейсе. Как пишет сама актриса: «Этот молодой человек – музыкант. Я его не замечала, хотя в концертах он играл в оркестре, на сцене, рядом со мной. Но тогда, в те дни, ничего не видела. Я неслась. У меня умер папа, кончилась прошлая жизнь. И уже не для кого было расшибаться в лепешку и лезть из кожи вон.

Для человека, а для женщины особенно, пусть она и актриса, безусловно, главное в жизни – найти свою половину. У одних эта половина появляется в юности, у других – в зрелости. Счастье? Да, если ты искренен, расслаблен, понимаешь, что «половина» примет тебя и поймет в любом «неконцертном» и неспрадном состоянии. С того времени, как не стало папы, потребность в такой понимающей и преданной «половине» возросла до невероятных размеров. И я абсолютно верю, что этого скромного и доброго человека – моего мужа – послал папа. Ведь папа знал, что для меня главное – верность. Случайно мы очутились за одним многлюдным столом, но ровно через «пять минут» я подумала: неужели – тот самый? Если он исчезнет из моей жизни... А это главное, чтобы человек постоянно был рядом...»

А теперь послушаем рассказ самого Константина Купервейса: «Однажды в нашей программе принимала участие Люся. Я дал ей послушать пленку с рок-оперой «Иисус Христос – суперзвезда». Она ее с удовольствием прослушала, а потом вдруг ни с того ни с сего спросила, что я делаю вечером. Пригласила в пресс-бар Московского кинофестиваля (он проходил в июле 73-го. – Ф. Р.). Я занервничал, потому что идти с такой звездой было страшно и странно. Потом она пришла ко мне на день рождения. Потом была еще встреча, и в итоге мы остались вместе. Разница в возрасте у нас – тринадцать лет (столько же тогда было ее дочери Маше). Я приходил за Машей в школу и надувал щеки, чтоб казаться старше. Маша называла меня папой...»

Молодые поселились в квартире невесты, и Константин взвалил на свои плечи не только обязанности супруга: он стал аккомпаниатором, секретарем, финансовым директором, продюсером жены и еще черт знает кем. Коллеги отныне стали называть его не иначе как «мужем Гурченко», но он не обижался – знал, на ком женится и что за этим последует.

После успеха фильма «Старые стены» (а он стал настоящим открытием проката 1974 года, явившись тем редким фильмом на производственную тему, который сумел стать настоящим произведением искусства) о Людмиле Гурченко заговорили как о великолепной актрисе, которой подвластны любые роли: от комедийных до драматических. Статьи о ней в центральной и региональной прессе буквально заволокли страницы газет и журналов, после чего ее актерский статус взлетел на недостижимую высоту. И начались годы нового, еще большего триумфа Людмилы Гурченко. Многие тогда отмечали, что в зрелые годы она стала даже более интересной, чем в молодые годы. Вроде того, что старое вино с годами становится только лучше. По словам самой актрисы:

«Царство небесное режиссеру Виктору Ивановичу Трегубовичу, он играл в лотерею: или Гурченко, известная по «Карнавальная ночь», проходит в серьезной «производственной» роли – вот такой анекдот, или мы оба горим, он как режиссер, я как актриса. Это был ход ва-банк. Картина полгода не выходила – нетипичный директор. Человечный. Это был революционный шаг на экране. Там у меня была фраза, единственная, которая не вошла в фильм: «Женщина-руководитель – это неверно. Женщины такие капризные, субъективные...» И вообще у женщины есть масса моментов чисто физиологических, которые от нее не зависят. Это очень интересная деталь, которую я взяла на вооружение для всей роли... Работая над этой ролью, я убирала многое женское. А вот по-личному у меня много общего с героиней. Я стеснительный человек, я трудно схожусь с людьми, я тяжело верю...»

В 1976 году фильм «Старые стены» был удостоен Государственной премии РСФСР. Но вернемся на некоторое время назад.

Помимо трех названных выше фильмов, в 1974 году Гурченко «засветилась» и в двух телевизионных «Бенефисах». Этот жанр открыл на ТВ режиссер Евгений Гинзбург, который снял два первых «Бенефиса», посвященных актерам Сергею Мартинсону и Савелию Крамарову. Гурченко снялась в обоих – исполнила по одной песне.

В 1975 году она добавила к своим киноролям еще две: одна была серьезная (Инна Сергеевна в картине «Дневник директора школы»), другая – комедийная (владелица шляпного салона Клара Бокардон в телемюзикле «Соломенная шляпка»). Громче прогремела первая роль, где Гурченко играла в дуэте с Андреем Мироновым.

Премьера «Соломенной шляпки» состоялась 4 января 1975 года по ЦТ. А за пару месяцев до этого Гурченко и Миронов вновь встретились на съемочной площадке: режиссер Эльдар Рязанов решил попробовать их на главные роли (Женя Лукашин и Надя Шевелева) в телевизионной мелодраме «Ирония судьбы, или С легким паром!». Однако эта проба оказалась неудачной и двух замечательных актеров на эти роли не утвердили. И слава богу, поскольку с ними эта «нетленка» выглядела бы совершенно иным фильмом. Впрочем, Миронов и Гурченко в «Иронии судьбы» все равно попали: в эпизоде, где Лукашин смотрит телевизор, демонстрируется сцена из «Соломенной шляпки», где герои Миронова и Гурченко лихо отплясывают канкан в шляпном салоне. Как говорится, пустячок, а приятно.

Потеряв в том году роль в комедии, Гурченко была утверждена на роль в военной драме. Речь идет о фильме Алексея Германа «Двадцать дней без войны». Это была экранизация повести Константина Симонова «Из записок Лопатина», где в центре сюжета были взаимоотношения фронтового журналиста Лопатина (прообраз самого Симонова) и женщины-актрисы по имени Нина Николаевна, с которой он познакомился, будучи в тылу.

На роль Лопатина Герман пригласил Юрия Никулина, а вот роль Нины Николаевны изначально предназначалась Алле Демидовой. Однако с нею возникла проблема: худсовет был «за», а вот Симонов – против. Герман пускал в ход все свое красноречие, чтобы убедить писателя в неправильности его позиции. Режиссер говорил: «Мне нравится Демидова. Они с Никулиным именно та пара, которая здесь нужна. Москвичка, интеллигентка, заброшенная войной в эти азиатские края, – это будет так пронзительно». Симонов в ответ повторял свое категорическое «нет». Как выяснится позже, всему виной стали... прическа и грим Демидовой, в которых она стала похожа на бывшую жену Симонова Валентину Серову. В итоге пришлось вызывать на пробы нескольких популярных актрис. Среди них были: Зинаида Славина, Татьяна Васильева-Ицыкович, Алиса Фрейндлих, Лариса Малеванная, Людмила Зайцева и героиня нашего рассказа Людмила Гурченко. Именно последняя в итоге и была утверждена на роль Нины Николаевны. Хотя Герман делал это, что называется, со скрипом. Своего отношения режиссер от актрисы не скрывал. Он ей так и сказал: «Вы нормальная драматическая актриса, тут никаких открытий не будет. Жаль, мне видится только Демидова. Но автору она не по душе... Ну ничего, все будем строить вокруг Никулина. С тобой будет работать наш второй режиссер, он отлично это умеет. Проба у тебя так себе. Я там подрезал, кое-что подобрал...»

В середине января 1975 года съемочная группа приехала в город Джамбул Казахской ССР. Здесь вскоре должны были начаться съемки фильма, но они встали под угрозу срыва. Дело в том, что к приезду киношников ничего не оказалось готово: не было ни вагонов военного времени, ни паровоза. Герман срочно телеграфировал об этом Симонову, который немедленно связался с казахским ЦК КПСС. Там пообещали помочь, стали звонить в Джамбул, но замдиректора фильма почему-то решил, что звонки эти связаны с угрозой каких-то неприятностей, и к телефону не подходил. К счастью, длилось это недолго, и недоразумение было улажено.

Съемки начались 22 января в естественном интерьере – в поезде времен войны, которому предстояло ездить по железнодорожной ветке 300 километров туда и обратно. Работа в тот день выдалась нервная. Сначала едва не поцапались Герман с оператором Валерием Федосовым. Последний стал тянуть одеяло на себя, командовать на площадке, указывать Гурченко и другим актерам, как себя вести в кадре, куда встать. Герман терпел это недолго и сказал оператору следующее: «Валерий, я два года придумывал это кино, у меня уже все решено. А у тебя в голове никакого кино нет, есть только желание командовать. Если так, забирай свои вещи, и расстанемся». Оператор оказался человеком понимающим, больше с тех пор одеяло на себя не тянул, и вообще они потом стали с Германом друзьями.

Где-то в середине дня «сорвалась» Гурченко, которая в глубине души таила обиду на Германа – за его слова о том, что он в нее не верит. В тот день актриса никак не могла сыграть рыдания так, как ее просил режиссер (а ему хотелось, чтобы в этом эпизоде рыдания Гурченко были похожи на уродливые рыдания английской актрисы Сары Майлз из фильма «Работник по найму»), чем здорово злила Германа. Когда после нескольких дублей у нее так и не получилось зарыдать по-майлзовски, режиссер остановил съемку: «Вот видите, не можете простого... Давайте в кадр Юрия Владимировича, а с вами завтра попробуем еще раз». Гурченко расстроилась, ушла в свое купе и заперлась в нем, чтобы никого не видеть.

Вспоминает Л. Гурченко: «Фильм «Двадцать дней без войны» – это моя любовь и нежность к Юрию Владимировичу (отметим, что с астрологической точки зрения у Скорпиона-Свиньи и Стрельца-Петуха дисгармония. – Ф. Р.). Нас намеренно поместили рядом, купе к купе, чтобы мы привыкали друг к другу. Ведь мы же играем любовь, да еще какую! Ни в одной своей роли Ю. В. на экране любовь не изображал, и это ему предстояло впервые. Ровно через неделю нашего купейного соседства я уже знала все повадки и привычки своего необычного партнера: как спит, как носом свистит, как пукает. Утро начиналось с громкого затяжного кашля. Если судить по тому, что он любит есть, то он очень дешевый артист. Самое любимое блюдо – макароны по-флотски. Еще котлеты и растворимый кофе. За стенкой я слушала его любимые песни с патриотической тематикой или песни, которые под гитару исполняют барды...

После того как сняли первый материал, режиссер объявляет: «Будем снимать любовную сцену, лежа, голыми, как весь мир снимает, ничего особенного». И тут я посмотрела на лицо Никулина... Этот поезд, зима, обледенелые окна, в шесть утра стакан растворимого кофе, грим, в семь уже выезжаем. После кофе стук в дверь, я знаю, что это Ю. В., открываю. В обледенелом коридоре стоит в майке, в длинных трусах, с полотенцем через плечо. Я говорю: «Что с вами?» Он: «Будем приучать друг друга к своему телу. Я – первый...»

В течение почти трех недель (с 22 января по 12 февраля) длилась джамбульская экспедиция. Это была поистине адская работа: съемки велись при минусовой погоде в неотапливаемых вагонах. Группа дико злилась на Германа за это (ведь ему предлагали снимать эти эпизоды в павильонах «Ленфильма», но он хотел, чтобы в кадре все выглядело достоверно), но поделаться ничем не могла – нарушать производственную дисциплину было нельзя. Юрий Никулин оставил о тех днях следующие воспоминания:

«Ну что за блажь! – думал я о режиссере. – Зачем снимать эти сцены в вагоне, в холоде, в страшной тесноте? Когда стоит камера, нельзя пройти по коридору. Негде поставить осветительные приборы. Нормальные режиссеры снимают подобные сцены в павильоне. Есть специальные разборные вагоны. Там можно хорошо осветить лицо, писать звук синхронно, никакие шумы не мешают. А здесь шум, лязг, поезд качает». Иногда, так как наш эшелон шел вне графика, его останавливали посреди степи, и мы по несколько часов ожидали разрешения двигаться дальше. День и ночь нас таскали на отрезке дороги между Ташкентом и Джамбулом.

Ни о чем, кроме фильма, с Германом говорить было нельзя. Он не читал книг, не смотрел телевизор, наспех обедал, ходил в джинсовых брюках, черном свитере, иногда появлялся

небритый, смотрел на всех своими черными умными и добрыми глазами (доброта была только в глазах) и упорно требовал выполнения его решений. Спал он мало. Позже всех ложился и раньше всех вставал. Актеров доводил до отчаяния.

– Юрий Владимирович, – говорила мне с посиневшими от холода губами Гурченко, пока мы сидели и ожидали установки очередного кадра, – ну что Герман от меня хочет? Я делаю все правильно. А он психует, нервничает и всем недоволен. Я не могу так сниматься. В тридцати картинах снялась, но такого еще не было. Хоть вы скажите что-нибудь ему.

А я пытался обратить все в шутку. Не хотелось мне ссориться с Алексеем Германом, хотя внутри я поддерживал Гурченко и считал, что так долго продолжаться не может... (отметим, что у Стрельца-Петуха и Рака-Тигра все та же дисгармония. – Ф. Р.). Помню, после шести-семи дублей я возвращался в теплое купе. Гурченко смотрела на меня с жалостью и говорила:

– Боже мой, какой вы несчастный! Ну что же вы молчите? Вы что, постоять за себя не можете?

А я постоять за себя могу, но для этого мне необходима убежденность, а тут я все время сомневался, вдруг Герман прав. От съемок я не испытывал никакого удовольствия и радости. Возвращался после каждой съемки опустошенным и не очень-то представлял, что получится на экране. В первые же недели я сильно похудел, и мне ушили гимнастерку и шинель.

Алексей Герман накануне съемок крупных планов говорил мне:

– Юрий Владимирович, поменьше ешьте, у вас крупный план.

В столовой со мной всегда садилась жена Германа (сценаристка Светлана Кармалита. – Ф. Р.) и следила, чтобы я много не ел, а мне есть хотелось...

Спустя год я понял, что обижался на Алексея Германа зря. Увидев на экране эпизоды в поезде, с естественными тенями, бликами, с настоящим паром изо рта, с подлинным качанием вагона, я понял, что именно эта атмосфера помогла и нам, актерам, играть достоверно и правдиво...»

Вспоминает А. Герман: «Ненависть ко мне группы была беспредельная... Ванны нет, помыться негде, сортиры такие, что лучше не вспоминать, холод пронзительный – вагон я нарочно выстудил, иначе не избежать фальши в актерской игре. Вместо одного мальчика, с которым была в кадре Гурченко, их понадобилось пятеро: дети ночью сниматься не могли, быстро уставали, нужно было их менять...»

Помню, какое ликование было в группе, когда меня оплевал верблюд. Я по его глазам уже видел, что он полон враждебных чувств и готовит какую-то гадость, но думал, что верблюд плюется вперед, и поэтому уходил от него вбок, а он как раз вбок и плюется. Так он меня достал: поднял губу и обдал с головы до ног зеленой зловонной пеной. Прервать съемку я не мог, потому что велась она на переезде, который специально для нас освободили всего на полчаса, поэтому, смердя, как навозная куча, продолжал репетировать, а потом попросил всех в вагоне спрятаться в своих купе, пока я пробегу к себе, чтобы переодеться. Одежду еле потом отстирал...»

В Ташкенте группа пробыла до 1 апреля, после чего отправилась в Калининград. Однако Гурченко туда не поехала – она тогда снималась в двух других фильмах: социально-криминальной драме «Преступление» (Люба) и телевизионном мюзикле «Небесные ласточки» (прима-актриса Карина).

Осенью Гурченко вновь включилась в работу над «Двадцатью днями...» – снимали в павильонах «Ленфильма». Закончили работу над фильмом в марте 1976 года. Однако до выхода ленты еще целый год (ее долго принимали в Госкино), а пока на экраны страны выходит другой фильм с участием Гурченко, где у нее опять же главная роль. Речь идет о комедии «Шаг навстречу», где героиня нашего рассказа сыграла роль одинокой женщины Валентины Степановны, в которую оказывается влюблен мужчина, случайно увидевший ее в магазине.

Весь фильм он ищет свою Незнакомку, не подозревая о том, что она живет... за стенкой в его же доме. Роль влюбленного играл Николай Волков-старший.

«Шаг навстречу» вышел на широкий экран 26 апреля 1976 года. Гурченко тогда снималась в очередном фильме – советско-румынском мюзикле «Мама», где исполняла роль Козы, у которой Волк украл козлят. Кстати, фильм снимала румынская женщина-режиссер Элизабет Бостан.

Съемки фильма начались в конце марта 76-го и благополучно шли к своему экватору – через десять дней съемочной группе предстояло закончить работу в Советском Союзе и выехать в Румынию для продолжения съемок. Как вдруг буквально на последних «советских» эпизодах случилось ЧП – Гурченко сломала ногу. Вернее, ей помогли это сделать.

Все произошло в самом начале съемок. В тот злополучный день снимали эпизод на льду с участием Козы и Медведя (в этой роли снимался знаменитый клоун Олег Попов). Поскольку Гурченко плохо каталась на коньках, она заранее предупредила Попова и всех остальных участников съемок об этом нюансе. Но эти слова, как выяснилось, в сознании Попова плохо отложились. Спустя несколько минут после команды «Мотор!» он настолько увлекся съемками, что не заметил впереди себя Гурченко и на предельной скорости врезался в нее. Актриса рухнула на лед, а ее партнер упал сверху. В ноге Гурченко что-то хрустнуло. От дикой боли актриса на какое-то время даже потеряла сознание. Тут же вызвали «Скорую помощь», которая увезла пострадавшую в Институт травматологии. Там врачи установили неутешительный диагноз: закрытый перелом двух костей голени правой ноги. Актрисе грозила инвалидность. К счастью, она окажется не таким человеком, чтобы впасть в панику и уже спустя два месяца не только встанет на ноги, но и продолжит съемки в «Маме». Однако роль в другом фильме – «Неоконченная пьеса для механического пианино» Никиты Михалкова актриса безвозвратно потеряет. Впрочем, в одном из его фильмов она в итоге все равно снимется, а также два раза сыграет его экранную возлюбленную: в «Сибириаде» (1980) и в «Вокзале для двоих» (1983).

Гурченко и Михалков играли в «Сибириаде» людей, которые в юности были влюблены друг в друга, но война разлучила их на долгие годы. Только в 50-е годы герой Михалкова (Алексей Устюжанин) приезжает в родные края и застаёт там свою бывшую возлюбленную (Тая), которая по-прежнему одинока. И между бывшими влюбленными вновь возникают чувства друг к другу.

Съемки эпизодов с участием наших героев проходили в июле 1977 года под Калинином. 24 июля прошло освоение объекта «село Елань», после чего на следующий день начались съемки. Снимали встречу Алексея Устюжанина с Таей. Гурченко только что оправилась от страшной травмы, полученной год назад на съемках фильма «Мама» (после полученного там перелома ей вставили в ногу титановую пластину с шестью шурупами), и в картине это был ее первый съемочный день. До этого она успела сняться еще в двух фильмах, но везде играла либо в гипсе, либо опираясь на что-то (в «Обратной связи» Гурченко только сидела или стояла на здоровой ноге, во «Второй попытке Виктора Крохина» опиралась на стол). В «Сибириаде» ей предстояло впервые ходить.

Вспоминает Л. Гурченко: «Нога болит нестерпимо. А мне сейчас нужно быть победоносной, эксцентричной, разбитной и завлекательной. Мой партнер (Михалков) моложе меня на десять лет. Я его еще юношей видела на экране, а мне тогда было двадцать семь лет. Теперь ему тридцать, он сильный, красивый, здоровый. Нам сейчас предстоит дуэль-состязание, мы должны вот-вот сойтись в сцене и подняться на самую высокую ноту, попасть в «жанр».

Нет сил ничего доказывать, нет желания. Такая разбитая, хочется скорее лечь. Сколько можно доказывать? На пробе доказываешь, на репетиции, на концерте, в интервью, в жизни – все доказываешь, доказываешь, доказываешь. Ну нет же сил... Что делать, как уйти от неминуемой сцены?

Стою за домом. Меня никто не видит. Отсюда я пойду на камеру, навстречу роли, партнеру, людям, которые мне потом станут родными, навстречу режиссеру... Ой, ну не могу... ну нет же сил...

– Ты прекрасна, ты самая красивая. Ты все можешь, все. Не думай об этом, пусть твоя героиня хромает. Это даже интересно. За двадцать лет с человеком бог знает что может произойти, а тем более с ней (Алексей и Тая расстались двадцать лет назад: он ушел на фронт и в родные края возвращаться не торопился, а она все это время его ждала. – *Ф.Р.*). Ты моложе выглядишь, чем он. Посмотри, у него уже и складки у рта, и лоб... Ты не бойся, дави его. Возьми его и задави – ты же актриса! Раскрепостись, делай что хочешь. Захочешь закружиться – кружись, отвернись от камеры, смотри в камеру – что хочешь. Для этой сцены мне пленки не жалко. Ну, дорогая моя, помни, что ты самая прекрасная, самая красивая... Ну давай, милая моя, красавица моя... Я тебе доверяю полностью – делай что хочешь, в любую сторону, – говорил, отходя все дальше и дальше, режиссер.

Какой он красивый, как прекрасно улыбается. Какие прекрасные люди живут на земле! Я посмотрела на себя в деревенское окошко. Свет падал мягко, теней под глазами не было. А я вроде сейчас действительно ничего, вполне, а? Ведь он прав – я и пою, и играю! Почему я все время в себе копаюсь, сомневаюсь? Что это со мной? На улице жарко, а по спине, между лопатками, поползла ледяная струйка. Вот и во рту пересохло, вот уже и забил озноб. Началась знакомая трясучка – уже сигналил мой актерский профессионализм моему разбитому большому организму, что он уже готов: «Давай, подбирай свои «дрябы» и мышцы, пошли в бой!» Сейчас, сейчас, подождите. Я сейчас соберусь. Сейчас сцена эксцентрическая, комедийная, а потом, в конце, «она» раскроется в драматической ситуации, но это потом. Вот такая моя героиня – Тая. Я вспоминаю, что кумиром Таи мы с режиссером решили сделать звезду пятидесятих годов Лолиту Торрес.

Мотор!..

И я уже иду навстречу молодому партнеру и вижу его складки у рта и лоб в морщинах, и мне от этого легче... На ходу, шаг от шага, чувствую, что делаюсь изящнее, стройней и моложе.

А почему я не хромаю? Ведь это мы обговорили, это интересно, как сказал режиссер. Но нога совершенно не болит. Она здоровая. Первый раз не болит за этот мучительный год. Но все, уже поздно. Начинается сцена. Партнер заглянул мне глубоко в глаза, а дальше – уже не я, уже кто-то другой. Никогда, ни на одной, самой подробной репетиции так полнокровно не узнаешь партнера и себя, как после слова «мотор», «горячим» способом. Тут видно все. Ничем не прикроешься. Это самое мощное и высокое напряжение всех твоих актерских и человеческих ресурсов. У нас – в драматических ролях, драматической картине – пошел дуэт из мюзикла! Все, что мы говорили, на фонограмме звучит как музыка! Без специальных подстроек и мучительных, болтливых, изматывающих репетиций мы с ходу попали в жанр этой необычайной драматической картины, спели сцену «в яблочко». И стало ясно, почему двадцать лет назад эти, теперь уже повзрослевшие, герои фильма полюбили друг друга на всю жизнь. В предыдущей серии дуэт юных талантливых артистов уже сыграл наши роли (Елена Коренева и Евгений Леонов-Гладышев. – *Ф. Р.*). Вот этот наш дубль и стоит в картине «Сибиряда».

... Я сильно осунулась, сильно захромала и, держась за забор, пошла опять туда, где меня никто не видит.

– Эй, ты, Коза, ну, как тебе твой партнер?

– Ой, что вы, Никита Сергеевич, по-моему, хорошо... Получилось вроде.

– А-а... нравится! Эх ты, такую роль на Козу променяла.

Я двинула плечами, сутулая, сникшая... Я его больше не стеснялась, он сейчас так много узнал про меня, а я про него, как будто мы долгие годы знали друг друга.

– А-а, Коза, не поверила мне, вот и ножку сломала. Теперь будешь верить? А?

– Теперь не знаю. Б-буду... – сказала я не совсем уверенно...»

27—30 июля съемки «села Елань» были продолжены. А 2 августа сняли любовную сцену на «Лебедином озере»: Алексей и Тая падают в объятия друг и друга и предаются страстной любви.

30—31 августа снимали сцену «в избе Таи». Смешную, кстати, сцену. Алексей приходит к Тае и в ее отсутствие забирается к ней в кровать. Он не знает, что к Тае также ходит другой нефтяник – Тофик. И вот, в тот самый момент, когда Алексей ждет Таю в ее кровати, в дом приходит Тофик. И Алексей, посрамленный, уходит 3–4 сентября опять снимали «избу Таи». На этот раз Алексей приходит к Тае, чтобы уговорить ее уехать с ним. Но она отказывается, поскольку понимает, что ничего путного из их отношений не получится.

В том же 1977 году Л. Гурченко было присвоено звание народной артистки РСФСР.

Во второй половине 70-х в послужном списке нашей героини оказались следующие фильмы (кроме названных выше): т/ф «Строговы» (революционерка Капитолина), «Семейная мелодрама» (главная роль – Валентина Барабанова), «Сентиментальный роман» (Мария Петриченко) (все – 1977), «Обратная связь» (Маргарита Вязникова), т/ф «Бенефис Людмилы Гурченко», т/ф «Красавец-мужчина» (Сюзанна Сергеевна) (все – 1978), «Вторая попытка Виктора Крохина» (Люба Крохина; фильм снят в 1978 году, но выйдет в 1987-м), «Уходя уходи» (главная роль – Алиса Сулина), «Пять вечеров» (главная роль – Тамара Васильевна) (оба – 1979).

Из всех перечисленных лент самой дорогой стала для Гурченко камерная мелодрама «Пять вечеров» все того же Никиты Михалкова. До этого он ни разу не снимал Гурченко в своих картинах, хотя очень хотел: например, в «Неоконченной пьесе для механического пианино» (1977). Но, как мы помним, накануне съемок актриса сломала ногу и эта роль досталась другой актрисе. Потом они вместе с Михалковым снимались в «Сибириаде», но тот фильм снимал не он, а его брат Андрей Михалков-Кончаловский. Наконец в 1978 году мечта Михалкова осуществилась – Гурченко оказалась-таки в его фильме.

В августе 1978 года он закончил натурные съемки своего очередного фильма («Несколько дней из жизни И. И. Обломова») и, вернувшись из Пушкино в Москву, решил в течение месяца снять еще одну картину – те самые «Пять вечеров». Идея этого фильма возникла благодаря Олегу Табакову. Это он предложил Михалкову взяться за экранизацию пьесы А. Володина «Пять вечеров»: дескать, действующих лиц мало, место действия почти не меняется (все происходит в пределах коммунальной квартиры). «Ты и кино сделаешь, и коллектив сохранишь во время осеннего простоя», – закончил свою мысль Табаков. И Михалков с ним согласился. Далее послушаем рассказ автора пьесы А. Володина:

«Мне позвонил Никита Михалков и сказал, что хочет снять картину по давней моей пьесе «Пять вечеров». «Зачем вам это? – сказал я Михалкову. – Не позорьте себя, не позорьте меня!» – «Ну ладно, тогда хоть приезжайте к нам, в Пушкино, просто отдохнуть».

Там он снимал картину «Несколько дней из жизни И.И. Обломова» и прислал машину. Но когда я приехал, сразу сказал ему:

– Одно условие: никаких разговоров о «Пяти вечерах». Вы пригласили меня отдохнуть, вот я и приехал отдохнуть.

– Не будет, не будет, – пообещал он.

Мы поднялись в номер, где был накрыт стол с набором бутылок спиртного. Через некоторое время выпили на брудершафт, и он сказал:

– Ну, завтра за работу. Что не нравится – вычеркивай. Но учти, мы решили снять картину за 25 дней... Так что времени в обрез...».

А теперь предоставим слово Л. Гурченко:

«Рано, часов в восемь утра, неожиданный звонок:

– Это Михалков. Привет, Коза. – Голос в восемь утра бодрый, энергичный. Наверное, Михалков уже пробежал десять километров, как это было на съемках «Сибириады», – вся группа еще только просыпается, а он уже пробежал, позавтракал, сидит и читает газету.

– Я сейчас между двумя сериями «Обломова» хочу попробовать снять в короткий срок картину, у меня есть до зимы три месяца. «Пять вечеров» Володина знаешь? Мне нужны артисты, которые быстро сумеют войти в роль. Ищу, ищу актера, сам бы хотел сыграть, но думаю, нет, не смогу – снимать и играть... Но очень хочется. Вообще играть очень хочется, но Ильина не буду. Сыграю Тимофеева (эту роль в итоге сыграет Александр Адабашьян. – Ф. Р.)... Ладно, Коза! Не суетись, ближе к делу. Что у тебя со временем?

– Я свободна, – сказала я, не моргнув глазом. И в тот же вечер прервала переговоры с группой, где уже была намечена проба, а режиссера еще и в глаза не видела... Звонили ассистенты...

«Пять вечеров». Тамара Васильевна. Роль, состоящая из цитат, сыгранная и другими, и мной в предыдущих фильмах. Уже давно драматурги и сценаристы разнесли пьесу Володина по частям, по репликам. Она появилась в 1957 году. Сколько раз я сама на экране говорила, как Тамара Васильевна: «Все парами, парами, а я все одна и одна». Сколько я сыграла одиноких женщин, и сколько раз мне на экране говорили партнеры: «Выходи за меня...».

Что мне делать с этой ролью? Ведь в Тамаре Васильевне все играно-переиграно, и очень хорошими актрисами.

Нужно попытаться, не мудрствуя, поближе быть к пьесе, постараться реставрировать роль, не стесняясь повтора, если это на благо образу, если это искренне. Наверное, нужно попытаться не рыдать, не плакать, избежать напрашивающихся сантиментов. Тамара семнадцать лет живет одна, она так уже привыкла, она забыла, что это вообще такое – любовь. В бесформенном халате, в бигуди, серая, безликая, непонятно, сколько ей лет – тридцать, сорок, пятьдесят... Ее виду никто не удивляется – все давно привыкли. Это очень важно. В первой встрече с Ильиным она будет неприятной, даже отталкивающей – ведь она давно уже не видит себя со стороны, она уже давно не женщина, все умерло. Работа, племянник, дом, телевизор, железные бигуди, железный голос, «лет сто не танцевала»... Больше ничего от третьего вечера мы о ней не знаем. Но Ильина она рьяно, по-сумасшедшему разыскивает... Это еще не любовь, это только проснувшаяся память о прошлом, о том, какой она была прежде. Она еще железная, хотя внешне и изменилась к лучшему... Тамара уже слабая, потому что опять любит. Чувство к Ильину просыпается с новой силой, и на глазах возрождается никуда не ушедшая, приглушенная, нерастроченная женственность. Это слабая, нежная, хрупкая девочка с морщинками на душе. Она дождалась своего счастья...»

В начале сентября съемочная группа «Обломова» выехала в Киев для продолжения съемок, и там же начались репетиции «Пяти вечеров». Для этого туда специально приехали Людмила Гурченко, Станислав Любшин, Валентина Теличкина, Лариса Кузнецова.

20 сентября, уже в Москве, состоялось утверждение актеров на роли. Причем утверждение было чисто формальным, поскольку все было определено Михалковым заранее. Свою первую серьезную репетицию с Гурченко и Любшиным Михалков провел 27 сентября в 10-м павильоне «Мосфильма». По словам Гурченко:

«Репетиций я боялась как огня. Но Михалков про меня давно уже все понял. На репетициях я тархтела без умолку. Рассказывала анекдотики, копировала и шаржировала, хихикала и пела на разные голоса, рассказывала про папу, крутилась и вертелась, забыв, что мне сорок два... А к роли нет-нет да и вернемся. Почитаем, прослезимся... полюбуюсь на Любшина... и опять меня режиссер отпускал на свободу!..»

1—4 октября вновь прошли очередные репетиции с актерами. Тогда же Михалков узнал, что Гурченко встала на ниву литературного творчества. Разговор об этом вскользь заходил еще год назад, когда они снимались в «Сибириаде» и актриса развлекала партнеров по съемочной

площадке рассказами из своего далекого детства. Однако никому и в голову не могло прийти, что она возьмется переносить их на бумагу. Но Гурченко решилась. И тетрадки с мемуарами принесла на съемочную площадку «Пяти вечеров».

По словам Михалкова: «Шумно иронизируя над собой, тем самым пряча смущение, она наконец сказала, что это начало ее книги, но тетрадок она никому не даст: у нее, мол, плохой почерк и много помарок, но если мы очень хотим, то можем послушать – она почитает сама.

Я, признаться, несколько смутился: придется что-то говорить, огорчать не хочется (да и невыгодно – нужно репетировать), а ничего путного, даже вполнину адекватного ее рассказам, от рукописи я не ждал. Но когда Люся стала читать, меня поразило то, что я не почувствовал никакой литературности, никакого, даже скрытого, желания быть или хотя бы казаться писательницей. Это был живой, льющийся, полный юмора, легкости и в то же время драматизма рассказ...».

Первый съемочный день выпал у Гурченко на 8 октября – снимали «квартиру Тамары». Эту декорацию снимали до 19 октября. 25-го съемочной площадкой стало одно из помещений Рижского вокзала, где снимали эпизод, в котором Ильин и Тамара сидят в ресторане. Кстати, в этом же вокзальном ресторане через четыре года будут снимать Гурченко и Михалкова в комедии «Вокзал для двоих».

9 ноября сняли эпизод «в квартире Тимофеева». Роль последнего должен был играть сам Никита Михалков, но из-за вечной загруженности этого сделать не удалось. В итоге роль была отдана Александру Адабашьяну. И он сыграл ее превосходно, сделав этот эпизод одним из лучших в картине. В нем Тамара приходит к Тимофееву, чтобы узнать, где Ильин, который в этот момент прячется в соседней комнате. И Тимофееву приходится изворачиваться, чтобы выгородить друга. Ему это удается, но потом друзья ссорятся, и Ильин уходит от Тимофеева в ночь.

13—14 ноября снимали отдельные эпизоды из разных частей фильма в «квартире Тамары» с участием Гурченко, Любшина, Адабашьяна.

Вспоминает Л. Гурченко: «На съемках – ни нервов, ни репетиций, ни выяснений отношений между героями – уже все выяснено. По движению брови, по скошенному рту режиссера я знала, куда мне повернуть. В самых трудных сценах Михалков подходил и молча брал меня за плечи: «Ну, ты все поняла». От этого доверия появлялись новые силы, и я играла сцену. Мы с режиссером уже были в актерской упряжке в «Сибириаде». Он знает, что такое находиться с другой стороны камеры, поэтому он чувствует актера и верит ему.

В павильоне абсолютная тишина. Все передвигаются бесшумно и только по делу. Идут синхронные съемки. Между членами группы самые теплые отношения. На меня смотрят, последние поправки со светом, сейчас начнется сцена... Саша Адабашьян здесь. Интересно, как он себя чувствует после вчерашней трудной сцены? Саша не актер, он сценарист и художник картины, но я Тимофеева представляю именно таким. Любшин еще не готов, он поправляет грим. Вчера «горячим способом» сыграли с Сашей эпизод. Ни он, ни я не знали, как повернется сцена, – режиссер нас пустил, значит, так надо – даже вчерашняя странная рваная сцена. Как интересно стало смотреть на Сашу и подстраиваться на ходу. Что за человек Тимофеев? Любит он Ильина или не любит? Защищать Тамаре Ильина или нет? Прислушиваюсь к мельчайшим обертонам в интонации Тимофеева!.. Верила, верила, и стоп! – опять не верю... Вся сцена переворачивается, и за что я потом благодарю его – не понимаю. И все же все точно, как бы и в жизни было. Потом, когда снимусь в этой сцене, нужно будет показать свои харьковские фотографии, которые я выбрала и принесла. Завтра они должны висеть на стенах комнаты Тамары – завтра будет сниматься финал.

Мне не стыдно здесь, на съемочной площадке, рассказывать, как мой папа говорил мне в детстве: «Дуй свое, дочурка, надо выделиться. Иди вперед, моя богинька, моя клюкувка...»

Мне не стыдно воспроизвести папину неграмотную речь. Да, папа для меня – это моя боль, моя радость, моя гордость.

Кажется, меня первый раз приняли со всеми моими потрохами, эклектикой и «чечеточкой».

– Богинька, клюкувка, иди на место в кадр, – тепло обращается ко мне оператор Лебешев.

– Мотор! – шепотом говорит Михалков, и я иду в кадр, в счастливый финал роли...»

20 ноября был снят последний эпизод с участием Гурченко «в квартире Тамары». На экраны страны фильм вышел одновременно с «Сибириадой» – в январе 1980 года.

В 1980 году режиссер Петр Тодоровский пригласил Гурченко на главную роль (Рита) в картину «Любимая женщина механика Гаврилова». Фильм имел большой зрительский успех, в прокате собрал 18,4 млн зрителей. Однако сама актриса вспоминает об этой работе без особой радости: «Я добилась, чтобы героиня надела нормальное платье, а не ходила в тряпках, чтобы не в коляске герой сидел, а был такой, как стал. Я инфаркт чуть не получила, доказывая это. Режиссер до сих пор со мной не здоровается».

В первой половине 80-х Гурченко записала на свой счет еще 10 фильмов: «Познавая белый свет» (1980; Незнакомка), «Идеальный муж» (1981; главная роль – Лора Чивли), «Особое важное задание» (главная роль – Эльвира), т/ф «Отпуск за свой счет» (главная роль – Ада Петровна), «Полеты во сне и наяву» (Лариса Кузьмина) (все – 1982), «Вокзал для двоих» (главная роль – официантка Вера Нефедова), «Магистраль» (Капитолина Гвоздева), «Шурочка» (Раиса Петерсон) (все – 1983), «Рецепт ее молодости» (главная роль – Эмилия Марти), «Любовь и голуби» (Раиса Захаровна) (оба – 1984), «Аплодисменты, аплодисменты» (главная роль – актриса Валерия Васильевна Гончарова), «Прохиндиада, или Бег на месте» (главная роль – Екатерина Ивановна) (оба – 1985).

Самыми заметными из перечисленных стали роли в двух комедиях: «Вокзал для двоих» Эльдара Рязанова (3-е место, 35,8 млн зрителей) и «Любовь и голуби» Владимира Меньшова (2-е место, 44,5 млн зрителей).

У Рязанова Гурченко сыграла привокзальную буфетчицу, которая внешне ведет себя как хабалка, но на самом деле оказывается весьма привлекательной женщиной. Просто среда и люди, которые ее окружают, не давали возможности раскрыться ее положительным чертам. Но вот волею судьбы на ее пути встречается положительный мужчина – музыкант из Москвы – и грубая буфетчица тут же превращается в «прекрасного лебедя». И даже бросает своего прежнего возлюбленного – проводника-жлоба.

В фильме «Любовь и голуби» Гурченко играла незамужнюю даму Раису Захаровну, которая во время отдыха на юге знакомится с мужчиной – Василием Кузякиным – влюбляется в него и уводит из семьи. Кузякина играл Александр Михайлов, а его супругу – бывшая коллега Гурченко по театру «Современник» Нина Дорошина.

Между тем за год до съемок в «Голубях» наша героиня стала бабушкой. 22 сентября 1982 года ее дочь Маша родила на свет мальчика, которого назвали Марком в честь его дедушки – отца Людмилы Гурченко, которого она очень сильно любила.

Отметим, что, в отличие от своей матери, Маша не стала актрисой, а выбрала медицину. Сама Л. Гурченко говорила по этому поводу следующее: «У нас с дочерью очень разные жизни. Я ощущаю перед ней свою вину – я никогда не могла уделять ей достаточно внимания. И, наверное, правильно, что актрисы раньше не позволяли себе рожать. Или искусство, или дети. В этой альтернативе что-то есть... Отношения мы, конечно, поддерживаем. Но в основном моя дочь привыкла обходиться без меня».

Раз уж речь зашла о личной жизни нашей героини, то самое время вспомнить ее тогдашнего мужа – Константина Купервейса. В 1983 году, когда Гурченко было присвоено звание народной артистки СССР, они отметили десять лет с момента своего знакомства. По словам К. Купервейса:

«Я ходил по высоким кабинетам за всякими надобностями. Мне все было приятно делать для Люси. Она была спокойна и внимательна ко мне. Мы практически не расставались. Если ей звонили, а я лгал, что ее нет дома, значит, мы просто хотели уединиться...

Но когда мы что-то вместе придумывали (музыку, например, писали), Люся всем говорила: «Он скромный, не надо ставить его имя на пластинку (в афишу, в титры и т. д.)». На долгие годы мне пришлось забыть местоимение «я»... Однажды сам Михаил Швейцер предложил мне написать музыку к его фильму, но Люся была категорически против. Представляете, какой шанс был упущен?! Все мои начинания, предложения, задумки, инициативы пресекались на корню. Ослушаться ее я не мог: потом в доме очень тяжело было бы жить...

Люся снималась или готовилась к съемкам, а магазины, коммунальные дела, гаражи, машины, доставание всякого рода дефицитов и прочее – все это решали я и ее мама. У меня были прекрасные отношения с Еленой Александровной. Она прекрасно готовила. Например, когда Люся сломала ногу (на съемках фильма «Мама». – Ф. Р.), теща три раза в день готовила еду, и мы возили ее в ЦИТО. Профессор, который лечил Люсю, сказал, что отпустит ее на съемки только со мной...

А вот мои родители Люсю не любили и, чтобы не расстраиваться, переехали в деревню, подальше от Москвы. Я навещал их нечасто – только когда Люся уезжала за границу и давала мне свободу...»

Во второй половине 80-х, когда в стране началась горбачевская перестройка и советский кинематограф взял курс на политизированную «чернуху», отпала надобность во многих исполнителях того поколения, к которому принадлежала Людмила Гурченко. Однако она продолжала сниматься, в том числе и в новоявленной «чернухе» и других фильмах перестроечной поры. Назовем эти фильмы: т/ф «Претендент» (1987; Кэрл), «Дорога в ад» (1988; главная роль – Марта Хольман), «Ожог» (Анна), «Молодой человек из хорошей семьи» (мать Арины) (оба – 1989), «А был ли Каротин?» (Курнатов-Борджиа), «Наша дача» (Людмила Козлова), «Нелюдь, или В раю запрещена охота» (главная роль – председатель горисполкома Зоя Михайловна Шерстобитова) (все – 1990), «Имитатор» (певица), «Виват, гардемарины!» (мать принцессы Фике, Иоганна), «Прости нас, мачеха Россия!» (следователь Зимина), «Моя морячка» (главная роль – массовик-затейник Людмила Пашкова), «Сексказка» (главная роль – женщина-дьяволица Диана) (все – 1991).

Роли были разные. Например, в фильме с жутким, но типичным для перестроечного кинематографа названием «Нелюдь» Гурченко сыграла женщину, у которой преступники похищали горячо любимого сына. А в «Прости нас, мачеха Россия!» она перевоплощалась в следователя хрущевской поры (самый модный в перестройку период отечественной истории после сталинского), который реабилитировал незаконно осужденного человека, но когда его опять арестовывали, она не находила иного выхода, кроме самоубийства.

В «Моей морячке» актриса исполняла роль уже совершенно иного плана – веселую масовичку-затейницу в одном из курортных городов. Этот фильм, кстати, из всех вышеперечисленных, больше всего лег на душу достопочтенной публике, принесся героине нашего рассказа новую волну популярности. Снял эту картину Анатолий Эйрамджан, а главную мужскую роль играл Михаил Державин.

Тем временем подошли к своему логическому концу отношения Гурченко и Купервейса. Как мы помним, у них была полная дисгармония, но они тем не менее худо-бедно прожили вместе более 18 лет. Их отношения стали стремительно ухудшаться в начале 90-х, когда у супруга стали все чаще сдавать нервы. Однажды он не выдержал и во время очередного скандала запустил в стену телефоном. Гурченко в ответ вскинула брови и спросила с «медицинским» интересом: «Что? Восстание рабов? Взбунтовался?»

Вспоминает Константин Купервейс: «Мне кажется, я прикладывал все силы, чтобы мы остались вместе. Ничего не получалось. Понимал, что надо уходить, но цеплялся за возмож-

ность остаться. Половине своих поступков того времени я не нахожу объяснения. Привычка? Любовь? Люся вообще-то всегда требовала, чтобы все вокруг вели себя так, как она хочет, но в последнее время стала придираться к любой мелочи. Для нее я все делал не так! Стыдно признаться, но однажды даже на подоконник вставал в отчаянии... И вдруг она сама предложила поехать отдохнуть в Севастополь (там прошел наш медовый месяц в 73-м). Я надеялся, что она решила «закольцевать» историю, но это вылилось в ад постоянных скандалов. Формальной «последней капли» для моего ухода не было. Была просто невозможность жить дальше вместе...»

Гурченко и Купервейс расстались накануне Нового, 1992 года. По словам актрисы, от этого разрыва она сама была в шоке, и первым, к кому она бросилась за утешением, был Юрий Никулин. Вот ее собственный рассказ:

«Мне годами внушали, что это – на всю жизнь. А как же иначе? Такая любовь! Такая, что пришлось поверить. А оказалось, что все слова и признания – просто пшик! 18 лет сплошного пшика, а?! Сейчас мне смешно, как я продефилировала тогда через проходную цирка: всем своим видом я внушала заразительные жизнелюбие и оптимизм. Я несла себя как символ иронии над самой собой! Разве кто-нибудь из женщин на вахте цирка мог догадаться, что я находилась на грани отчаяния? Заскочила в кабинет Юрия Владимировича и уж там...»

Вот чем тяжела «шапка Мономаха», печать популярности, маска веселья – поплакать негде. А у Никулина можно. Захлебываясь, я рассказывала ему, как я встречала Новый год. О! Я ездила по оставшимся друзьям, которые совсем не понимали происходящего. Ведь за столько лет все привыкли к «идеальному мужу», к идеальной паре. И вдруг: «Люся, да ерунда это!» Я ездила из конца в конец по Москве, за рулем машины, которую не водила столько лет! Я ездила и орала! Ни в одной из несыгранных и сыгранных ролей я не воспроизводила и десятой доли такого дикого вопля раненого, недобитого животного...

Юрий слушал меня и молчал. Молчал долго. Он стоял на фоне окна, отвернувшись от меня. Я не видела его лица. Смутно помню, что вокруг него (на столе, на полках, на полу) стояло множество пестрых клоунов: тряпичных, кожаных, стеклянных, фарфоровых... Один такой фарфоровый клоун стоит у нас дома.

– Ну что... Только время. Если я скажу, что никто не стоит вот этой твоей... растерянности, ты сейчас не поймешь. Потом, потом... время... Работай! Отбрасывай все, если сможешь. Не ожидал. Никак не ожидал. Люди, люди, люди... Но, конечно, это удар. Ниже пояса...»

Как только Константин ушел от Людмилы, она стала выливать на него буквально ушаты грязи. Говорила даже, что он якобы прихватил у нее какие-то ценности. Купервейс был потрясен, поскольку, во-первых, ничего не брал, а во-вторых, рассчитывал все-таки на другое к себе отношение после стольких лет чуть ли не рабской преданности. Но разве женщин поймешь? Единственный, кто мог бы понять, это А. С. Пушкин, написавший крылатые строки: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Золотые строки.

Рассказывает К. Купервейс: «Мне друзья часто потом говорили: «Опять твоя тебя в газете лягнула». Надо отметить, что, когда мы были вместе, Люся своих бывших мужей здорово грязью поливала. Кобзона особенно. Я слышал, как он недоумевал, что Купервейс столько лет выдержал. А я выдержал, потому что хотел этого, и я Люсе за многое благодарен. Просто не понимаю, почему она сейчас так обо мне говорит. Многие ведь разошлись мирно и даже продолжают общаться. Бывший муж – это не враг номер один!.. Ужасно жалко, что Люся не отдала мне ни одной фотографии. С двадцати трех до сорока одного меня как будто и не было...»

После развода Гурченко недолго была одна. Ее новым избранником стал кинопродюсер Сергей Сенин. Они познакомились во время совместной работы над фильмом «Сексказка» по В. Набокову, где Гурченко исполняла главную роль (играла женщину-дьяволицу). «Поначалу мы не обращали друг на друга внимания. Я просто запомнила большого человека – совершенно не моего плана. И как-то раз он подарил мне цветы. Затем мы долго не виделись, а потом

стали делать фильм «Люблю» (1992). И постепенно-постепенно начали общаться. В компаниях. Чтобы встречаться вдвоем – даже мысли не было... Но потом появилась такая общность, когда один говорит, а второй спохватывается: да я же только об этом думал! Или Сергей провожает меня домой, а я чувствую, что уходить от него мне не хочется. Там пусто, а тут надежно...» – говорит Л. Гурченко.

После развала СССР и краха его кинематографа Гурченко мгновенно превратилась в малоснимаемую актрису. Впрочем, это и понятно – кино в ту пору снималось такое, что участвовать в нем было просто стыдно. Поэтому за все 90-е Гурченко снялась всего в трех фильмах: «Послушай, Феллини!» (главная роль – актриса Вера), «Прохиндиада-2» (Екатерина Ивановна) (оба – 1994), «Старые клячи» (1999; главная роль – член завкома Елизавета).

Последнюю ленту снял Эльдар Рязанов, благодаря которому Людмила Гурченко и стала той «звездой», которую узнали миллионы: после выхода «Карнавальная ночь» в далеком 1956 году. Новая лента этого творческого тандема уже относилось к иного рода кинематографу – постсоветскому, где бывшие советские «звезды» напоминали уже бледные копии себя, любимых. И хотя эти фильмы нельзя было назвать провальными, но из них навсегда ушла та аура, которая была присуща советским лентам – аура божественного таланта. От постсоветского кинематографа Господь, видимо, отвернулся.

В январе 1997 года страну облетела страшная весть: Гурченко едва не умерла. Это произошло во время ее гастролей в Риге (актриса была там со спектаклем «Недосягаемая» по С. Моэму). Сама актриса так вспоминает об этом происшествии:

«После спектакля меня на «Скорой» отвезли в больницу. Там взяли анализ крови и пришли в ужас: лейкоцитов не оказалось вообще! Тут же заподозрили рак крови в последней стадии. Везти в Москву сначала запретили. Потом все же отправили: на самолет на «Скорой», с самолета на «Скорой»...

В Институте гематологии, куда актрису привезли, врачи обнаружили, что она играла спектакль с отеком легких. У нее было обнаружено редкое, но очень серьезное заболевание. И шансов выбраться у нашей героини в тот момент было десять из ста... Кое-кто из врачей уже не надеялся на то, что актриса выкарабкается. Однако актриса победила и на этот раз. Уже через несколько дней после операции она была на очередной репетиции в своем новом театре.

Между тем в декабре 1999-го в семье Гурченко случилось страшное горе – умер 17-летний внук актрисы Марк. По одной из версий, он скончался от передозировки наркотиков. Эта смерть еще сильнее увеличила пропасть отчуждения, которая существовала между актрисой и ее дочерью Марией Королевой. Мать обвинила дочь в том, что та не уберегла сына от рокового пристрастия.

В середине 2000 года российские СМИ сообщили новую сенсационную новость из жизни знаменитой матери и ее дочери: оказывается, последняя еще в конце прошлого года подала на мать в суд. Яблоком раздора стала однокомнатная квартира в Волковом переулке (рядом с зоопарком). Когда-то Гурченко купила ее своей старенькой маме, Елене Александровне, но та жить там не стала – переехала к внучке Маше, работавшей к тому времени техником по домофонам. Сей поступок объяснялся просто: у женщины, разменявшей восьмой десяток лет, из-за проблем со здоровьем (у нее сильно болели ноги) не было желания жить одной. С Машей, ее мужем, сыном и дочерью Елена Александровна прожила шесть лет. Говорят, за это время Гурченко не только редко навещала мать, но даже не приехала на ее 80-летний юбилей (1997) – была на гастролях. Поэтому мама актрисы решила завещать подаренную дочь квартиру внучке и правнукам. Завещание соответствовало всем правилам, тем более что в договоре дарения, по которому была получена жилплощадь, никак не оговаривалось, что она не может быть завещана кому бы то ни было.

В мае 1999 года Елена Александровна умерла, и ее внучка решила переоформить подарок на себя. Узнав об этом, Гурченко возмутилась: во-первых, мол, квартира куплена на ее сред-

ства, и, во-вторых, она, как дочь, – наследница первой очереди. Аргументы, конечно, убойные, однако и на стороне Марии тоже были весомые доводы: последние годы покойная провела с ней, внучка тоже является родственницей и, кроме того, нуждается в улучшении жилищных условий. Несмотря на то что семья уменьшилась на одного человека (после смерти 17-летнего сына Марии Марка), они живут в малогабаритной «трешке» втроем, в то время как Гурченко с мужем занимают трехкомнатную квартиру общей площадью под 100 кв. метров.

8 декабря 2000 года в Пресненском суде Москвы состоялось слушание дела по иску Марии Королевой. Вот как описывала происходящее там корреспондент «Комсомольской правды» Ю. Опанасюк:

«Мария Борисовна сообщила, что не обратилась к нотариусу и не обнародовала завещание в течение полугода после смерти завещателя по причине сильного потрясения, вызванного двумя последовавшими друг за другом кончинами ближайших родственников – 17-летнего сына Марка и бабушки. На что адвокаты из конторы «Борис Кузнецов и партнеры», защищавшие интересы отсутствовавшей на суде Гурченко, представили документы, из которых следовало, что, вопреки всем «переживаниям» в тот «трудный» период, истица активно занималась конным спортом и одновременно оформлением зарубежного паспорта, чтобы сопровождать дочь в туристической поездке.

Далее в спор вступила адвокат Марии Людмила Дреева, резонно заметившая, что делалось все это исключительно с целью развеяния тягостных чувств как самой истицы, так и ее дочери-подростка.

Адвокат актрисы Борис Кузнецов объявил, что Людмила Марковна ни сном ни духом не ведала о завещании, которое «неблагодарная» мама оформила на имя своей внучки, наивно полагая, что купленная когда-то ею квартира после смерти матери отойдет именно ей. Дочь, как утверждают адвокаты, в отличие от внучки проявила большую активность в деле вступления в права наследования. Хотя, как заметила Мария Королева, Людмила Марковна никогда прежде не заглядывала ни к своей матери, ни в эту квартиру в Волковом переулке: позванивала разве что изредка да телевизор купила. Старушка, перебравшаяся в Москву из Харькова, только на экране видела свою знаменитую дочь, в то время как внучка (это следовало из речи Марии на суде) не только всячески поддерживала в старушке силы, но и жила с ней временами в пресловутой квартире площадью 20 кв. метров, невзирая на то, что дома ее ждали муж и двое детей...

Несмотря на явно невыигрышную позицию, Мария Борисовна демонстрировала завидное присутствие духа и даже во время бурных прений адвокатских сторон не расставалась с сосательной конфетой.

Терпение истицы было-таки вознаграждено: суд во главе с председателем Людмилой Кольчинской присудил ей треть стоимости спорной квартиры Гурченко».

Весной 2002 года Гурченко снова обратилась в суд с иском: оставшуюся в ее собственности часть квартиры она пожелала выкупить по оценочной стоимости БТИ, то есть в несколько раз меньше рыночной цены. Все эти годы семья Королевых использовала квартиру под офис своей фирмы по установке замков, что и дало повод для новых претензий Гурченко.

Между тем в те годы актриса поражала окружающих не столько внутрисемейными разборками, сколько многочисленными пластическими операциями. Известно, что на протяжении всей своей жизни Гурченко уделяла своей внешности весьма пристальное внимание, но примерно с конца 90-х, когда актрисе исполнилось шестьдесят, ее попытки «обмануть» старость стали чуть ли не притчей во языцех. По количеству пластических операций Гурченко, наверное, переплюнула всех российских звезд. Последний раз она приятно шокировала публику в июле 2003 года, когда появилась на фестивале «Славянский базар», пройдя до этого курс омоложения у врача-косметолога Светланы Сапрыкиной. Та использует в своих процедурах новейшие швейцарские кремы серии Swiss Perfection, которые омолаживают человеческую

кожу с поразительным эффектом. Как сообщали разные СМИ, Людмила попробовала сначала действие крема на шее, а потом, убедившись в его эффективности, провела такую же процедуру на лице и волосах. С тех пор актриса стала постоянным клиентом салона: она посещает его два-три раза в неделю. Говорят, супруг актрисы Сергей Сенин, заметив, какие перемены произошли с его женой, был просто в восхищении.

Что касается творчества Людмилы Гурченко, то в новом тысячелетии она вернулась к активной работе в кино. Достаточно сказать, что если после распада СССР она снялась только в трех фильмах, то в «нулевые» таковых оказалось более десятка. Вот эти ленты: «Женское счастье» (2001; главная роль – Маргарита), «Шукшинские рассказы» (2002; Малышева), «УВД-2. Во власти» (2004; главная роль), «12 стульев» (мадам Боур), «Взять Тарантину» (Анна Васильевна), «Горыныч и Виктория» (Элеонора), «Высшая мера» (главная роль) (все – 2005), «Карнавальная ночь-2» (2006; главная роль), «Первый дома» (2007; Раиса Захаровна), «Золотая рыбка» (2008), «Пестрые сумерки» (2009; Анна Дмитриевна).

Однако львиная доля этих фильмов так и канула в Лету, не оставив большого следа в памяти зрителей. Это вообще отличительная особенность постсоветского кинематографа – «плевки в вечность» (по Ф. Раневской), когда фильмы снимаются на один день: посмотрел – и забыл. Однако гонорары, которые за эти «плевки» выплачиваются, поражают человеческое воображение. Впрочем, именно вокруг денег и крутится вся сегодняшняя постсоветская жизнь, напоминающая собой жизнь в казино (для одних) и на его задворках (для остальных).

В те годы почти все публикации о личной жизни Гурченко в основном сводились к ее сложным взаимоотношениям с родной дочерью и манипуляциям со своим внешним видом. Начнем с первого.

В начале 2008 года Гурченко стала прабабушкой – ее внучка Лена родила дочь Таисию. А в марте 2009 года «Экспресс-газета» поместила большое интервью (автор – И. Петрова) с ее дочерью Марией и внучкой Еленой (автор – Е. Петрова). Приведу лишь несколько отрывков из этой публикации:

«Мария: Нынешний муж (речь идет о супруге Гурченко Сергее Сенине. – Ф. Р.) очень ревностно оберегает ее от нас. Нам только недавно удалось узнать ее адрес и телефон. Я позвонила, хотела пригласить ее отпраздновать вместе день рождения Тасеньки, но трубку взял Сергей Сенин. Маму он позвать отказался. Мы с ним поговорили на повышенных тонах, этим все и кончилось...»

«Елена: Этот человек не только от нас, самых близких людей, ее отгородил. Похоже, Сенин держит бабушку словно в клетке. Вывозит ее на тусовки и сразу же – домой. Никаких «лишних» контактов, все – под его жестким контролем. Он очень расчетливый человек, все продумал на много шагов вперед, и мы, родные, в эти его планы никак не вписываемся. Он пойдет на все, чтобы мы не помирились. А уж как он может действовать, мы прекрасно знаем. Так запугал нас судьями, налоговой инспекцией и милицией, что до сих пор вспоминаем его с содроганием. Искалечил жизнь не только нам, но и моему отцу.

Мне иногда кажется, что бабушка – просто кукла-марионетка в его руках. Ей позволено заниматься своим внешним видом, здоровьем, чтобы хорошо выглядеть, зарабатывать гонорары. Но принадлежать всецело она должна только ему, и – никакой родни! Он, как жуткий Карабас-Барабас, дергает за ниточки, и не приведи господь кому-то попытаться нарушить его планы. Но не думаю, что она будет ему нужна, когда потеряет здоровье...»

«Мария: Мама не всегда была такой чужой. Я помню, как она заботилась обо мне, одевала, как куклу, брала с собой на съемки и концерты. Но основное время я все же проводила с бабушкой. Мама была слишком занята собой, своей работой, и я ее видела очень редко. А потом, думаю, она меня все же не любила и не любит из-за отца. Я была чем-то вроде красной тряпки в их отношениях. В нашей семье нет даже его фотографий. Как женщина, я ее понимаю, но как дочь не могу смириться с ее холодностью. Это так больно – быть брошенной

собственной матерью. Вот почему я сейчас всю нежность выливаю на дочь и мою внучку. Они не должны испытать того, что пришлось вынести мне...

Наши отношения с мамой дали трещину после смерти моего сына Марка (как уже писалось выше, он умер в декабре 99-го. – *Ф. Р.*). Мой муж Александр в те годы хорошо зарабатывал, он был успешным гидом-переводчиком, и мы могли себе позволить оплачивать учебу сына за границей. Трагедия произошла на каникулах. (Приехав из Америки в Москву, юноша, почти излечившийся от наркотической зависимости, под напором друзей принял дозу и скончался до приезда «Скорой». – *И. П.*). Смерть отняла у нас не только сына, я окончательно потеряла свою мать. Она возложила на нас всю ответственность за случившееся, и без того натянутые отношения полностью разрушились. А суд из-за квартиры стал лишь финальной точкой в нашей семейной трагедии».

Что касается проблемы манипуляций с собственной внешностью, то Гурченко всегда ревностно следила за собой. Однако в последние годы жизни эта «слежка» превратилась в какую-то манию. Как сообщали тогдашние СМИ, в течение нескольких лет актриса сделала порядка 15 (!) пластических операций, из которых восемь – подтяжка лица. В итоге внешность актрисы стала притчей во языцех – редкое СМИ не обыгрывало его на своих страницах или в эфире. Порой дело доходило до прямых оскорблений, что, впрочем, немудрено для сегодняшнего циничного времени, где старость уже не является уважаемой, а наоборот – она презираема (во всяком случае в России). Причем тон задает само государство, которое относится к пенсионерам как к балласту. Что касается Людмилы Гурченко, то ее старость стала поводом к циничным шуткам со стороны резидентов «Комеди клуб». Один из них (Таир Мамедов) еще в 2007 году в телеэфире пошутил следующим образом: «Людмила Марковна легла спать и забыла закрыть за собой крышку гроба». Отметим, что Мамедов мусульманин, и если бы он позволил себе таким образом «постебаться» над своей пожилой соотечественницей, то «огреб» бы по полной программе.

Другой резидент добавил: «На мне платье, которое носила Айседора Дункан, а ей по наследству передала его сама Людмила Гурченко». Еще один: «Трагедия в США: обнаженная Гурченко на обложке «Плейбоя». Следом: «Под колготками Людмилы Марковны нет ног» и т. д. Такое впечатление, что комедиклабцы взяли за моду «стебаться» над Гурченко чуть ли не в каждой своей передаче. Как сообщали СМИ, актриса и ее муж Сергей Сенин рассматривали возможность подачи на шутников в суд, но затем эта тема как-то заглохла. Может быть, все завершилось улаживанием конфликта за деньги?

В июле 2009 года газета «Жизнь» опубликовала статью (автор – Е. Шереметова), где писала следующее:

«Людмила Гурченко рискнула жизнью ради красоты.

Актриса перенесла пластическую операцию на лице под шестичасовым общим наркозом.

Врачи убеждали артистку остановиться: в таком почтенном возрасте организм может не выдержать. Но актриса снова доказала, что слово «возраст» – не про нее. Живая легенда российского кинематографа снова вступила в схватку со временем.

Людмила Марковна уже давно стала рекордсменкой по числу пластических операций среди российских звезд. Актриса раз за разом пытается доказать, что годы над ней не властны...

Для Людмилы Марковны прошедшая операция – восьмая. Кроме этого она убирала морщинки, меняла форму глаз, носа, губ.

Врачи не перестают удивляться смелости и мужеству актрисы.

– В таком возрасте такие операции очень опасны. Организм может просто не выдержать наркоза, – говорит доктор медицинских наук, пластический хирург Сергей Блохин. – Больше того, последствия наркоза могут сказаться и через месяц, и через два.

Многочисленные пластические операции, по словам специалистов, грозят и другой опасностью: кожа атрофируется, становится тонкой, как пергамент. Но Людмиле Марковне все нипочем. Эта женщина восхищает не только умением держать себя, но и невероятной житейской мудростью, заявляя на все упреки о попытках скрыть возраст: «Что скрывать, когда на первой же странице моей книги написано: «Я родилась 12 ноября 1935 года». Скрывать? Глупо».

О том, сколь пристально российские СМИ следили за тем, как Гурченко борется с возрастом, можно проследить по заголовкам статей, посвященных этой теме: «Гурченко отказалась от парика» («Московский комсомолец», 5 марта 2009 года), «Гурченко рассталась с париком» («Экспресс-газета», 18 мая 2009 года), «Гурченко теряет лицо. После очередной пластической операции у актрисы не заживают швы» («Твой день», 21 августа 2009 года) и т. д.

Однако есть и другие примеры, когда имя Гурченко внезапно всплывало в других темах. Например, надумала «Комсомольская правда» в феврале 2009 года рассказать своим читателям о сложной профессии частного детектива – и вновь без упоминания Людмилы Марковны не обошлось. Каким же боком ее там вспомнили? Цитирую:

«Звонок Константину Купервейсу (бывший супруг Гурченко. – Ф. Р.):

– Правда ли, что Людмила Гурченко нанимала детектива, чтобы следить за вами? – спросили мы пианиста.

– Я не знал, как спрятаться от ее глаз! Я старался уйти от ее звонков, от ее выпадов. И она действительно даже наняла детектива! Мне об этом рассказал ее друг Анатолий Эйрамджан, который сейчас живет в Америке. Она ему сама призналась, что наняла детектива, чтобы он следил за нами: за мной и женщиной, с которой я встречался. Сейчас я уже 17 лет спокойно живу без Гурченко, очень счастлив и вспоминать о том времени не желаю».

В начале марта 2010 года СМИ сообщили о том, что Гурченко угодила в 7-ю городскую больницу с диагнозом «общее недомогание». Там она пробыла несколько дней, после чего... улетела в Киев, где участвовала в церемонии награждения победителей конкурса «Королева успеха-2010». Сумма гонорара Гурченко за это мероприятие в прессе не указывалась, но можно понять, что эта сумма немаленькая: во-первых, надо учитывать звездный статус Гурченко, во-вторых – ее возраст.

А в конце того же марта Гурченко и сама удостоилась награды – кинематографической премии «Ника». Ее актрисе вручили в Москве за вклад в отечественный кинематограф. Получая эту премию из рук режиссера Алексея Германа, снимавшего ее в далеком 1975 году в фильме «Двадцать дней без войны», актриса сказала: «Я никогда не думала, что доживу до такой награды... Даже не мечтала, что буду стоять на этой сцене и в руках у меня будет эта птица удачи! Представьте, перед церемонией ко мне подошел знакомый журналист. Он порядком выпил, но сказал удивительную фразу: «Люд, а тебя ведь никто не любит. Никто! Только народ!» И знаете, другой награды я для себя и не желаю...»

Приведу еще несколько отрывков из разных публикаций, выходивших в те годы, где речь шла о героине нашего рассказа.

«Московский комсомолец» (номер от 17 мая 2010 года, автор – Е. Редреева): «Несмотря на почтенный возраст, звезда «Карнавальная ночь» Людмила Гурченко снова бьет на сцене чечетку. Впрочем, устроить двухчасовой сольный концерт актриса решила неспроста. Людмила Марковна призналась, что еле сводит концы с концами...»

– Чем дольше живешь на свете, тем больше задумываешься над теми вещами, которые раньше и в голову не приходили. Например, как сохранить отношения, что такое влюбленность, как сохранить чувство новизны. Но годы идут, то там морщинки, то здесь сеточка под глазами... Нет, я не боюсь старости. И боже, у меня скоро юбилей! Ну и черт с ним. Страшнее всего оказаться невестребованной, брошенной, забытой, никому не нужной, – откровенничала со сцены актриса...

Злые языки давно судачат о проблемах Гурченко со здоровьем – мол, у Людмилы Марковны не все в порядке с ногами. Но актриса на деле доказала обратное. Сменив платье на покороче, Людмила Марковна начала отплясывать канкан в зрительном зале и, вальсируя, сменила добрую дюжину партнеров. «Ну что, отнялись у меня ноги, а? Вы меня своими сплетнями с ума сведете!» – сказала как отрезала она».

В другой публикации ее авторы описали непростые отношения между Гурченко и ее бывшим мужем Иосифом Кобзоном. Вернее, отношений там нет никаких, поскольку после развода в 1970 году Гурченко напрочь вычеркнула Кобзона из своей жизни и теперь, где бы они ни встретились, «переходит на другую сторону улицы». Все это в характере Скорпиона – этот знак очень злопамятен и может мстить своему обидчику всю жизнь. Как написано в характеристике Скорпиона-Свиньи: «Он бывает очень мстителен в том случае, если ему противоречат и стоят у него на пути... Любого, кто попытается уйти от него, он готов уничтожить». В газете «Твой день» (номер от 28 июня 2010 года) этот конфликт описан следующим образом:

«Людмила Гурченко, которая не разговаривает с Иосифом Кобзоном уже 35 лет (на самом деле уже все 40. – Ф. Р.), потребовала на съемках гримерную комнату в противоположном конце коридора от гримерки своего бывшего мужа.

Неприятный момент произошел на съемках в «Останкино». Гурченко и Кобзон столкнулись прямо под ярким светом софитов и любопытными взглядами публики.

– Быстрее пойдете, быстрее! – стиснув зубы, прошипела помощнице Людмила Марковна.

Но если работать на одной съемочной площадке с Кобзоном Гурченко согласилась, то гримерки, расположенные по соседству, вызвали у певицы гнев, и она немедленно потребовала переселить ее в другой конец коридора. Организаторы поспешили выполнить просьбу артистки.

«Я готов был поддерживать интеллигентные отношения, но не нашел понимания», – написал Кобзон об отношениях с бывшей женой в своих мемуарах «Как перед Богом».

Гурченко предпочитает воздерживаться от разговоров на эту тему».

А вот как осветил другой конфликт – Гурченко с ее дочерью Марией – журнал «Тайны звезд» (номер от 12 июля 2010 года, автор – С. Коновалов):

«...Дочь звезды считает – мира в семье не будет, пока рядом с ее мамой молодой муж Сергей.

– Мне кажется, не будь рядом ее муженька Сергея, кстати, он на два года младше меня, мама нас бы не предала. Не бросила бы, а ведь мы в ней так нуждаемся! – рассказала нашему журналу Мария. – Сергей очень расчетлив и делает все это ради денег! Специально нас ссорит! И не только со мной – со всеми родственниками! Мама попала под его влияние! Она два года не подходит к телефону, когда я звоню, а ее муж отвечает нам: «Мы очень устали от родственников. Хватит названивать». Я писала маме письма – тоже не помогло. Мне иногда даже жаль ее. Не думаю, что у матери хорошо на душе от всего этого, если душа, конечно, еще у нее осталась...»

Не прошло и года после выхода этой заметки, как Л. Гурченко скончалась. Все началось с того, что она за несколько месяцев до смерти упала на улице и сломала шейку бедра. В больнице ей сделали операцию, после которой она какое-то время лежала дома – восстанавливалась. Это лежание и спровоцировало смерть. У лежачих больных кровь густеет, и образовавшийся сгусток может в любой миг закупорить какой-нибудь сосуд. Именно это и случилось с героиней нашего рассказа 30 марта 2011 года. По словам ее супруга С. Сенина:

«Тот страшный день начинался так хорошо. Я встал рано. Пошел готовить завтрак. Проснулась Люся. «Мне приснилось, что я сама пошла!» – радостно сказала она. Встала и под впечатлением ото сна действительно пошла. Сделала несколько шагов, испугалась, взяла трость. Из-за перелома ноги врачи запрещали ей самой передвигаться. «Все обойдется! – уве-

ренно сказала Люся мне. – Я поправлюсь». Мы стали обсуждать наши планы, надежды... Потом начались деловые звонки. А вечером нам прислали рабочую версию фильма «Я – легенда» с Люсей в главной роли, снятого для украинского телеканала «Интер».

Мы смотрели фильм, и Люсе вроде все нравилось. И вдруг на третьей песне ей стало нехорошо. «Ой, папа (она так меня называла), что-то колет сердце», – сказала она. Я побежал на кухню за лекарством, потом лихорадочно стал набирать номер телефона нашего хорошего врача. А она мне говорит: «Вызывай «Скорую помощь» скорее!» Я вызвал. А Люся уже без сознания... До приезда врачей я делал ей искусственное дыхание и непрямой массаж сердца... Не помогло! Почти одновременно со «Скорой» приехала и толпа журналистов. Вот так в одно мгновение хороший день превратился в кошмар... Санитары, милиция, врачи...»

Как установили врачи, тромб, образовавшийся в крови, закупорил легочную артерию (тромбоэмболия легочной артерии). Кровоснабжение легких, а затем и сердца прекратилось, и легендарная актриса умерла в считанные минуты.

Забытая звезда (*Татьяна Самойлова*)

Татьяна Самойлова родилась 4 мая 1934 года в Ленинграде в наполовину актерской семье. Ее отец – замечательный актер театра и кино Евгений Самойлов, который в 30—40-е годы прошлого века блистал на экране в таких фильмах, как: «Щорс» (1939), «Светлый путь» (1940), «В шесть часов вечера после войны» (1946) и др. Мама Самойловой – Зинаида Ильинична – к искусству никакого отношения не имела: в 1934 году она закончила электромеханический институт в Ленинграде и работала инженером. Кроме Татьяны в семье Самойловых был еще один ребенок – сын Алексей. В 1937 году вся семья переехала в Москву в дом на улице Щусева.

В школьные годы Самойлова занималась балетом – закончила балетную студию при Театре имени К. Станиславского и В. Немировича-Данченко. Сама Майя Плисецкая звала талантливую девочку в балетную школу при Большом театре, однако Татьяна решила посвятить себя драматическому театру. В 1953 году она поступила в Театральное училище имени Щукина, которое благополучно окончила в 1956 году. Во время учебы, летом 1955 года, она была приглашена сниматься в фильме «Мексиканец» (в роли Марии). Съёмки происходили в Одессе. Именно во время работы над этой картиной состоялось торжественное событие – свадьба Самойловой и 21-летнего Василия Ланового, который был ее однокурсником по «Щуке». К тому времени этот актер был уже известен публике как исполнитель главной роли в фильме «Аттестат зрелости» (1954). В 1956 году он сыграет роль Павла Корчагина в одноименном фильме А. Алова и В. Наумова. Как вспоминает сама Т. Самойлова:

«Лановой еще в первые студенческие годы подошел ко мне в Щукинском училище: «Кто ты?» Я почему-то ответила: «Я – дочь папы и мамы». И началась взаимная нежная, вдумчивая любовь Тани Самойловой и Васи Ланового. Долгий роман на ногах: мы встречались в метро, на бульварах, на старом Арбате. Потом поженились. И свадьба у нас была не одна, а две. Дело в том, что и мама Василия, и моя мама – обе были тяжело больны и не выходили из дома. Поэтому первую свадьбу мы сыграли у Васи, а вторую – у меня. Как это было? Я пришла с папой и братом, друзьями, они накрыли стол. Я помню вишневое варенье, какие-то супы, роскошных гусей, кур, уток. Лановые ведь украинцы, поэтому все было хлебосольно. У Васи четыре сестры. Муж одной из них сидел тогда в Сибири. Потом она уехала к нему...

Поженившись, мы с ним жили у нас дома на Песчаной улице, в моей 18-метровой комнате. Васины родители очень хотели познакомиться и породниться с моими родителями, но они тогда сильно болели и не могли выходить из дому, мать Ланового к тому же была матерью-героиней: четыре девочки и один мальчик. Я очень любила эту семью и со всеми дружила. Вообще, в тот период я жила совершенно безотчетно и беззаботно, под крылышком у мамы. Она нас с Васей кормила, поила и одевала...»

Тем временем в 1956 году режиссер Михаил Калатозов готовился к съемкам фильма «Летят журавли» по пьесе В. Розова «Вечно живые». На главную роль – Вероники – претендовала звезда тогдашнего советского кино Добронравова. Однако второй режиссер фильма Б. Фридман на учебном спектакле в «Щуке» внезапно заметил талантливую студентку. Звали ее – Татьяна Самойлова. К тому времени она уже снялась в «Мексиканце» и в связи с этим переживала не самые лучшие времена. Дело в том, что студентам театральных вузов было категорически запрещено сниматься в кино. Если же они нарушали этот запрет, то их кинематографические работы не принимались за дипломные. Так случилось и с Самойловой, на которую ополчился сам ректор училища Борис Захава. В конце концов в 1956 году ей пришлось покинуть «Щуку». И тут ей предложили роль в «Летят журавли». Она, естественно, согласилась.

Заметим, что сам автор пьесы (В. Розов) был категорически против этой кандидатуры. Видимо, он считал, что молоденькой студентке вряд ли удастся сравниться в таланте с при-

знанной звездой – Добронравовой. Однако режиссер фильма считал иначе и мнения своего придерживался твердо. В конце концов его точка зрения победила, и Самойлову срочной телеграммой вызвали в Москву из санатория, в котором она лечила легкие.

Прежде чем фильм «Летят журавли» вышел на широкий экран, его посмотрело тогдашнее советское руководство во главе с Н. Хрущевым. Картина им очень не понравилась (некоторые члены Политбюро иначе, чем «шлюха», героиню Самойловой Веронику не называли). Это и решило ее прокатную судьбу. Премьера фильма состоялась не в престижном «Ударнике», а в малогабаритном кинотеатре «Москва» на площади В. Маяковского. Однако массовый зритель принял картину на «ура»: в прокате 1957 года она заняла 10-е место, собрав 28,3 млн зрителей. Это был успех. Хотя многие советские критики восприняли его неоднозначно, а героиню Самойловой называли «нетипичной» (что было правдой: до этого в советском кино героинь, которые бросали своих возлюбленных, ушедших на фронт, не показывали).

И все же, даже несмотря на подобные отзывы в прессе, фильм весной 1958 года решено было отправить на 11-й Международный кинофестиваль в Канн. И там произошло чудо. Картина была удостоена высшего приза «Золотая пальмовая ветвь», а Самойлова была награждена специальным дипломом за лучшую женскую роль и премией жюри «Апельсиновое дерево» как «самая скромная и очаровательная актриса фестиваля».

Это был звездный час всего советского кинематографа и лично Самойловой. Например, во Франции в 1958 году этот фильм попал в лидеры проката: он занял 83-е место, собрав на своих сеансах 5,401 млн зрителей. Кроме этого в том же году он был отмечен призами на фестивалях в Локарно, Ванкувере и Мехико. Западные журналисты тут же окрестили исполнительницу главной женской роли в этом фильме «советской Мерилин Монро и Брижит Бардо».

Сама Т. Самойлова так вспоминает о тех днях: «Пабло Пикассо тогда, в самую первую нашу встречу, мне сказал: «Вот сейчас мы с тобой идем, и ты – обыкновенная девочка из Москвы. Но очень скоро ты станешь звездой экрана, и подойти к тебе будет уже невозможно».

Так и случилось все, как он говорил. Мы показали картину, и меня окружил фестиваль, окружила пресса. Мы с Сергеем Павловичем Урусевским, оператором картины, еле успевали давать интервью. Картина наша получила Гран-при, а я – множество премий сразу: за скромность, за красоту, Гран-при фестиваля, диплом с отличием, приз «Победа» – по итогам зрительского голосования. Во дворце президента выделили кусочек земли, на котором было высажено апельсиновое дерево в мою честь. И это было особенно приятно...

Мне тогда объяснили, почему их так заинтересовала наша картина. Французы восприняли искусство Урусевского как сюрреалистическое: как он сочетает цвет с лицом, фигурой, отдельно с руками, предметами. Я была рада, что тоже внесла в это свой вклад.

И тогда же, в Париже, мне предложили сделать Анну Каренину в Голливуде, вместе с Жераром Филиппом, по сценарию Михаила Ильича Ромма. Я сказала: «С удовольствием». Тут же наш глава делегации Радчук меня оборвал. «Ты, – говорит, – с удовольствием, а нам актрису одну нельзя отпускать, да так надолго. Нужно посылать с тобой много народа, а нам это невыгодно». Так Голливуд и замаяли.

Урусевский мне тогда говорил: «Таня, ради бога, если хочешь, оставайся здесь». А представители посольства набросились на мои чемоданы и прямо при мне стали их разрывать, перебирать туалеты – проверяли, не собралась ли я насовсем.

Нам разрешили общаться только с коммунистами, ходить в кварталы компартии, запрещали смотреть Францию как таковую...

Как замечательно было общаться с французскими актрисами, с Джиной Лоллобриджидой, Даниэль Дарье и с этими великими старцами из академии.

С Пикассо я встречалась три раза... Но однажды он пригласил нас к себе. Но поехал только Урусевский, меня оставили дома. Посольские сказали: нельзя тебе к Пикассо. Боялись, что я с ним ближе познакомлюсь и он мне понравится...»

Однако, как это ни удивительно, спустя три десятилетия после выхода фильма на экран Самойлова внезапно призналась в одном из интервью: «Я не люблю «Летят журавли». Категорически не люблю. Почему? Есть правда о войне хорошая. И есть правда, которая хуже любой лжи. «Летят журавли» – из этой серии. Помню, сценарий мне безумно понравился. А сейчас... Конечно, эта картина мне дорога.

Дорого мое лицо, фигура. Память о моих молодых годах. Но Вероника – «от начала до конца придуманный образ».

Видимо, поменять свою точку зрения актрису вынудило время – на дворе стояло начало 90-х, когда рухнул СССР и многое из того, чем совсем недавно гордились люди, было подвергнуто остракизму. В том же кинематографе пачками стали появляться фильмы, в которых демонстрировалась якобы правда, а на самом деле – оголтелое отрицание всего советского. Даже победа в Великой Отечественной войне стала подвергаться нападкам: дескать, не так воевали. На фоне этой вакханалии Самойлова и «прокляла» свою героиню из «Летят журавли».

Однако вернемся в конец 50-х годов. Возвратившись в Москву, героиня нашего рассказа поступила на учебу в Государственный институт театрального искусства (ГИТИС) и была принята в Театр имени В. Маяковского (там с 1940 года работал и ее отец). Однако пробыла она в этом театре недолго, перешла в Театр имени Е. Вахтангова, но и там продержалась до 1960 года. Видимо, театральные подмостки привлекали ее куда меньше, чем съемочная площадка. Позднее сама актриса пожалеет об этом и скажет в одном из интервью:

«Я жалею, что после «Летят журавли» пошла сниматься в следующий фильм. Мне надо было вернуться в институт, который я забросила, сделать еще один спектакль, сыграть еще одну роль. Я жалею, что так быстро ушла в кино».

Тогда же, в 1958 году, закончился и ее «звездный» брак с Василием Лановым. Как рассказывает сама актриса:

«Васю послали в Китай с его фильмом «Павел Корчагин». После поездки мы и расстались. Он безумно много работал, и жить с ним было тяжело; его никогда не было дома. Вася сразу стал знаменитым.

Мы прожили вместе шесть лет. Моя мама мне советовала: «Хотите сохранить семью – поживите от нас отдельно». Мы попробовали, но было очень трудно: кастрюли, готовка...

В 1957 году мне сделали операцию на легком и повредили плевру. Села я в свои 23 на уколы пенициллина и побоялась, что окажусь инвалидом. Сказала Васе, что мне больше не хочется ничего. Я болела. И он ушел. Когда это произошло, мы оба так рыдали... Было очень обидно...

После этого предложений от поклонников было очень много, но я никому не верила. Почему-то вокруг меня было много иностранцев, все приезжали ко мне домой с «урожаем»: корзины персиков, корзины цветов. Но я всем отказывала».

Однако затворничество Самойловой длилось недолго. В 1959 году она снялась в советско-французском фильме «Луис Гаррос ищет друга» (роль – Наташа). Премьера картины состоялась в Париже, куда актриса отправилась со своим новым мужем – писателем Валерием Осиповым. Он родился в 1930 году, окончил МГУ, свою первую книгу выпустил в 1958-м (она называлась «Тайна сибирской платформы»). В том же году его приняли в Союз писателей СССР. По словам Т. Самойловой:

«У меня была одна большая любовь на всю жизнь. Это Валерий Дмитриевич Осипов. Как красиво он за мной ухаживал! Он буквально бомбил меня телеграммами! Присылал их одну за другой: «Я дарю тебе Сибирь», «Я дарю тебе подснежники», «Я тебя обожаю», «Я тебя люблю», «Ты моя дорогая, единственная». Я получала в день по три-четыре телеграммы. И стихи он мне писал... Он умел ухаживать и был богат. Я была счастлива в любви...

Он был большой кошкой. Волосатый, здоровенный и чудный. Когда я приходила домой после съемок, он говорил: ну-ка, ложись, засыпай. На тебе кефир, колбасу, и спи ради бога. Мы любили и очень дружили друг с другом. Он заботился обо мне, как о ребенке...».

В том же (1959) году о Самойловой вновь вспомнил М. Калатозов: он пригласил ее в свой новый фильм «Неотправленное письмо» на роль Тани. Как признается позднее сама актриса, этот фильм она считает одним из лучших в своей кинобиографии.

Фильм снимался в 200 километрах от Кызыла, в тайге. Партнерами Самойловой были не менее популярный в те годы Евгений Урбанский и только начинавшие свою карьеру в кино Иннокентий Смоктуновский и Василий Ливанов. Однако фильм оказался провальным. Сама актриса так объясняет его судьбу: «Публика ждала шедевра. Перед просмотром в Доме кино были выбиты окна темпераментной толпой жаждущих попасть в зал. После просмотра – тишина: режиссер, оператор, актеры не оправдали...»

Спустя 35 лет – в 1995 году – знаменитый американский режиссер Френсис Форд Coppola профинансировал реставрацию и прокат «Неотправленного письма» в США.

Потерпев неудачу в новом фильме М. Калатозова, Самойлова внезапно нашла успех там, где найти его явно не ожидала, – в советско-венгерской картине о войне «Альба-Регия» (1961), где она сыграла советскую разведчицу времен войны – Альбу. По сюжету действие фильма происходит в Венгрии, где в Альбу влюбляется местный доктор Хайнал (актер Миклош Габор), который всегда был далек от политики. Но, полюбив разведчицу, он постепенно меняет свои взгляды.

Чтобы сняться в ней, актрисе пришлось некоторое время пожить в Венгрии, выучить язык (в течение двух лет, пока снимался фильм, рядом с ней находился муж – В. Осипов). По словам актрисы:

«Альба-Регия» была очень удачной работой, фильм приобрели в 56 странах. Единственная картина, за которую я получила большие деньги: за все остальное – за участие в съемках, спектаклях, концертах – платили копейки (за концерт – 16 рублей). А после Венгрии я была роскошно одета, привезла в Москву автомобиль «Опель». После «Альбы» мне даже предлагали играть Марию Стюарт в Югославии. Но меня вызвали «куда надо» и запретили соглашаться».

В 1963 году сотрудничество Самойловой с зарубежными кинематографистами продолжилось: она приняла предложение итальянского режиссера Де Сантиса сняться в эпизоде в его фильме «Они шли на Восток» (роль Сони). Сам режиссер так объяснил актрисе свой выбор: «Мы хотим, чтобы снимались вы, потому что вас знает Запад, и мы хотим еще раз показать ваше лицо».

Западный зритель действительно увидел прекрасное лицо Самойловой, чего не скажешь о зрителе советском – в течение следующих четырех лет актриса нигде не снималась. Видимо, чтобы не сидеть сложа руки и ждать «у моря погоды», она вновь вернулась на театральные подмостки: в 1965 году ее приняли в Театр киноактера. Там ей сразу достались две главные роли: в «Грозе» А. Островского и «Тане» А. Арбузова. Кроме этого она ездила по стране с концертами, читала со сцены стихи, прозу. В том же году Т. Самойловой было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР.

Наконец в 1967 году в судьбе актрисы наступил второй «звездный» час. Режиссер Александр Зархи пригласил ее на главную роль в фильме «Анна Каренина» (это была уже 16-я мировая экранизация романа Л. Толстого). Роль Вронского первоначально предназначалась Олегу Стриженову, однако в процессе подготовки к съемкам его кандидатура отпала, поскольку актер отличался весьма сложным и неуживчивым характером. И тогда на горизонте появился бывший муж нашей героини актер Василий Лановой.

Фильм вышел на экраны страны в 1968 году (преьера состоялась чуть раньше – 6 ноября 1967 года) и был хорошо встречен публикой (в прокате он занял 9-е место, собрав 40,5 млн. зрителей). Т. Самойлова вспоминает:

«На премьеру «Анны Карениной» собралось много народу. Картина всем безумно понравилась. Но у меня было жуткое состояние: я сидела с высокой температурой и терпела боль. Тогда же я должна была ехать в Японию, но меня забрали в Боткинскую больницу... Аппендицит...»

Вскоре после выписки из больницы брак Самойловой и Осипова распался. Причина была банальной: Татьяна мечтала о ребенке, а муж не хотел себя этим обременять. И тогда в отместку ему она вышла замуж за администратора Театра киноактера, в котором работала, Эдуарда Машковича (бывший офицер Машкович вернулся из Германии с молодой женой и только что родившимся ребенком и почти сразу занял пост администратора ТКА). От него в 1969 году Самойлова и родила сына Дмитрия. Ребенок родился крупным: вес – 4900, рост – 57 сантиметров.

Спустя год она опять захотела ребенка, на этот раз девочку, но Машкович был категорически против. Это их и развело. Больше замуж актриса не выходила. Хотя увлечения у нее, конечно же, были. Сама она, правда, любила повторять: «Я любила влюбляться, целоваться. Но только Осипов был моей единственной любовью...».

А что же творчество? После феерического успеха «Анны Карениной» о Самойловой вновь заговорили как о замечательной актрисе, и, окрыленная успехом, она с надеждой ждала новых предложений от режиссеров. Однако месяц проходил за месяцем, а телефон в доме актрисы молчал. Творческая жизнь актрисы замерла на мертвой точке. Сама Т. Самойлова так вспоминает о тех днях:

«Каждый месяц я приходила на студию, в отдел кадров, и спрашивала: «Когда будет работа? Что в портфеле студии?» И каждый раз мне отвечали: «Будет, будет. Но пока для вас ничего нет». Наверное, они тогда про себя решили, что Самойлова уже сделала в кино достаточно, с нее хватит, надо дать дорогу другим...»

А тут еще болезни. Через три года после родов Самойлова внезапно начала полнеть. Однако в 70-е годы о ней все-таки вспомнили, и ряд режиссеров пригласили ее в свои картины и спектакли. Назову эти ленты: ф/сп «Конкурс продолжается. И. С. Бах» (1971; Анна Магдалена), к/ф «Город на Кавказе» (1972; главная роль – Надежда), «Длинная дорога в короткий день» (1972; главная роль – Екатерина Золотаренко), «Возврата нет» (1974; Настюра Шевцова), «Океан» (1974; Маша), «Бриллианты для диктатуры пролетариата» (1976; Мария Николаевна Олонецкая).

Одна роль у Самойловой так и не состоялась. Речь идет о фильме Рустама Хамдамова «Нечаянные радости», который снимался в 1974 году. Но съемки были остановлены Госкино и руководством «Мосфильма», после чего вместо Хамдамова к режиссерскому пульта встал Никита Михалков. При нем ряд актеров из прежнего состава в фильм не попали – в том числе и Самойлова. Эта лента теперь известна под названием «Раба любви».

В 1975 году Самойлова предприняла попытку поступить в труппу Театра имени А. Пушкина, однако ее не приняли. Мотив был убийственным: надо дать дорогу молодежи. А Самойловой в то время не было еще и сорока. В итоге она нигде не снималась, не работала в театре. Единственным местом приложения ее сил стал собственный дом – она занималась хозяйством и растила сына. Редчайшая судьба для актриса, так ярко стартовавшей в кино и которой большинство кинокритиков предрекали феерическую судьбу (особенно после ее триумфа в Каннах).

В 1985 году скончался бывший муж актрисы – писатель В. Осипов. Тот самый, о котором Самойлова сказала, что он был ее единственной любовью. Его настиг рак мозга на 56-м году жизни.

В начале 90-х годов в одном интервью актриса призналась: «Конечно, я глубоко несчастная женщина. У меня нет ничего – ни работы, ни мебели – сами видите, ни машины. Даже сына

моего рядом нет, потому что мне кормить его нечем. Проблемы со всем – хлебом, сахаром, солью... И я в панике и растерянности. Время идет, а что мне делать – не знаю...».

Однако сразу после выхода этого интервью в свет (март 1992 года, газета «Совершенно секретно») про Самойлову внезапно вспомнили. Ее пригласили на 43-й Каннский кинофестиваль в качестве почетной гостьи. Ее сыну помогли уехать на учебу в США (он по образованию врач-психиатр), где он вскоре женился на американской подданной Марте Янг. И вот уже в очередном интервью актриса заявила: «Я прожила интересную и счастливую жизнь. Меня до сих пор все узнают. И целуют безумно. Особенно старушки. Я их подкармливаю. Приношу им булочки, помидоры. Они благодарят, плачут. И я вместе с ними».

В 1997 году режиссер Артур Зариковский снял документальный фильм о Т. Самойловой под названием «Трагическая пауза, или Татьянин день».

В конце 90-х Самойлова вернулась в большой кинематограф, однако ее уделом были эпизодические роли. Таковых были две: в «Маме» (1999) и «24 часах» (2000; мама братьев Шаламовых).

На протяжении десяти последующих лет российские СМИ почти не вспоминали о Самойловой. Что неудивительно: в кино она не снималась, в скандальных разборках замечена не была. И даже когда по ТВ в очередной раз демонстрировались легендарные фильмы с ее участием («Летят журавли», «Анна Каренина»), взять у нее интервью никто не спешил. И лишь осенью 2008 года многие российские СМИ внезапно вспомнили про актрису, да и то в свете возникших у нее проблем со здоровьем. Писали, что она очень часто вызывает к себе домой на Васильевскую улицу (рядом с Домом кино) «Скорую помощь», лечится в больницах. Писали об ее неустроенности, одиночестве. Чтобы развеять эти слухи, актрисе пришлось дать несколько интервью. Так, в декабре того же года в газете «Твой день» была опубликована короткая заметка под названием «Татьяна Самойлова: «На жизнь не жалуюсь». В ней приводились следующие слова актрисы:

«Пенсия у меня девять тысяч рублей. Но я зарабатываю и сейчас – в «Останкино» на телевидении выступаю, снимаюсь понемногу. Слава богу, меня помнят и приглашают, сил пока хватает.

Конечно, ощущается нехватка денег – порой не на что купить туфли, брюки, сапоги, не на что отдать в чистку это все – ведь это дорого, а я должна выглядеть модно в любом возрасте. Профессия обязывает! Но я не жалуясь. Жизнь прекрасна. И она держится на женщинах. Мы сильные, мы выживем. Женщина – это прежде всего мать. И жена. Хозяйка дома, хозяйка земли, хозяйка своего хозяйства. Когда этого нет, жизнь останавливается...»

С 2004 года Самойлову стали привлекать к съемкам в российских сериалах. Таковых у нее в том десятилетии было четыре: «Марс» (2004), «Московская сага» (2005; профессор Татьяна Ивановна Плотникова), «Далеко от Сансет-бульвара» (2005; Лидия Сергеевна Полякова в старости), «Нирвана» (2008; Маргарита Ивановна).

В мае 2009 года, когда Самойлова отмечала юбилей – 75 лет, – многие СМИ откликнулись на это событие, буквально вытащив имя актрисы из забвения. Приведу отрывки из нескольких публикаций.

«Аргументы и факты» (номер от 29 апреля, автор – В. Оберемко): «Никто из близких меня не бросал, – рассказывает Самойлова. – Я уже четыре года как бабушка. У меня дивная внучка, которая прекрасно говорит и на русском, и на английском. У меня единственный любимый сын Дима.

Он специально изучал английский язык в колледже, чтобы потом поехать практиковать в Америку. Сейчас он часто навещает меня, мы вместе встречали старый Новый год. С внучкой же Таней я общаюсь в основном по телефону. Она приезжала ко мне всего один раз, ей тогда было три годика. Она зашла тогда в квартиру, посмотрела на меня и сказала: «Баба, я тебя

очень люблю». Но даже если мои близкие за океаном, я все равно не одинока. Моя семья всегда со мной – в моей душе».

«Комсомольская правда» (номер от 30 апреля, автор – А. Велигжанина): «Свой юбилей я отпраздную в Доме кино – Гильдия актеров и Никита Михалков устраивают мне торжественный вечер, – рассказывает Татьяна Евгеньевна. – Конечно, мне приятно внимание. Приятно, что со мной сегодня Никита Михалков, который помогает. Знаете, меня сегодня просто все телеканалы отсняли – буду постоянно в телевизоре. Так что не чувствую одиночества. У меня полный дом друзей собирается, с соседями замечательные отношения. Жизнь я прожила интересно, хоть и трудно.

Сегодня жалею только об одном – надо было рожать детей в молодости. В этом смысле не успела. Одного сына родила, и все. Я лишила себя возможности иметь детей, потому что всю себя отдавала работе. 20 лет я отдала театру, 50 лет – кино...»

«Экспресс-газета» (3 августа, автор – В. Сергеев): «Я живу сыном. Это все, что у меня осталось. Ушли родители, папина сестра. Сейчас я просто мама Мити и бабушка Тани, которая родилась в Америке пять лет назад. Я счастлива, что сын занимается любимым делом, что он профессионал и на хорошем счету. Что он часто навещает меня.

А с артистами уже не общаюсь. Но когда-то знала многих – я же окончила три вуза. И Щуку, и ГИТИС, и балетную школу при Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. Я, знаете ли, танцовщица по первому образованию. А сейчас вот не танцую, а только разговариваю... Но я счастлива. У меня есть все, что нужно: сын, внучка, добрые соседи. Люди, подходящие на улице с цветами, с какими-то маленькими подарками и словами благодарности. И один верный друг – замечательный и чуткий человек Эдик Айгунян. И еще недавно приезжала продюсер из Лейпцига, предложила роль в фильме. Буду играть такую степенную даму-переводчика. И гонорар будет в валюте. Вот так-то!»

Отметим, что из близких родных у Самойловой в живых остался родной брат Алексей. Но она с ним в плохих отношениях. Как заявила она в этом же интервью:

«При всей моей любви и уважении к маме очень жаль, что она родила такого ребенка, как мой братец Алексей Евгеньевич. Тоже, кстати, актер. Он всегда был равнодушен ко мне. Из-за него у нас в семье часто бывали распри. И папу в последнее время настраивал против меня (Е. Самойлов скончался 17 февраля 2006 года. – Ф. Р.). Может, славы моей простить мне не смог? Может, он родился таким в ноябре 1945 года из-за того, что мама была сильно истощена во время войны?...»

Спустя какое-то время прошла информация, что брат с сестрой помирились, что Алексей даже переехал жить к Татьяне, чтобы скрасить ей одиночество. Однако, судя по сообщениям прессы, легче от этого актрисе не стало.

В августе 2011 года в «Московском комсомольце» появилась заметка под броским заголовком «Татьяна Самойлова пропала без вести на прогулке». Речь в ней шла о том, что патронажная сестра, периодически навещавшая Самойлову, в течение нескольких дней не могла с ней связаться: та не открывала дверь, не отвечала на телефонные звонки (хотя должна была всегда оповещать о своих отлучках). В итоге сестра подняла тревогу. Дверь в квартиру актрисы была вскрыта, но дома ее не оказалось. Самойлову стали искать по больницам, моргам, социальным службам. И вскоре нашли в одной из больниц (57-й, что на 11-й Парковой), пусть и не совсем здоровой, но живой.

После этого случая в СМИ периодически продолжали появляться заметки о непростом житье-бытье актрисы. Писали, что она бедствует, что ее из жалости подкармливают в кафе Дома кино, что она периодически лечится в психушке и т. д. Чтобы подтвердить (или, наоборот, опровергнуть) эти слухи, еженедельник «Мир новостей» дал задание своему журналисту Д. Мельману позвонить актрисе и выяснить у нее все подробности о ее житье-бытье.

И 14 августа 2012 года на свет появилась публикация под названием «Татьяна Самойлова: «Психиатр мне не нужен!». Приведу из нее несколько отрывков:

«Ее голос в трубке почти неузнаваем: речь нарушена, суть можно уловить лишь по отдельным четко выговоренным словам. Объясняю причину звонка – перебивает:

– Ой, боже мой, ну а кто не находится в больнице в моем возрасте?! Товарищи, вы с ума сошли! Я прохожу стандартный курс, 12 дней колюсь магнием и калием, это необходимо сердцу. При чем здесь больница?!

– **Татьяна Евгеньевна, извините, речь о психиатрической больнице...**

– Никогда в жизни! У меня есть лечащий врач – и то не психиатр, а невропатолог. А психиатр мне вообще не нужен!..

Я одна никогда не была. У меня чудные друзья в Гильдии актеров, я все время там. Потом, я в Кремле бываю, Медведева знаю, он мне орден вручал... И сын навещает – в августе и сентябре приезжает ко мне на две недели. Чаще не может – он же работает с утра до ночи...

– **Татьяна Евгеньевна, а как у вас в материальном плане?**

– ...Я сама за все плачу и всегда переплачиваю – благодарю за доставку. С деньгами у меня все в порядке: я от Союза кинематографистов получаю 9 тысяч, в Гильдии – 28 (в данном случае речь скорее всего идет не о регулярных выплатах – последние несколько лет Гильдия актеров оплачивает актрисе коммунальные платежи и время от времени поддерживает ее так называемыми творческими стипендиями. – *Ред.*), и в Театре киноактера я получаю зарплату каждый месяц. Так что за меня не волнуйтесь – у меня имеется на самый последний день. И есть родные, которые меня похоронят. А то звонят из разных инстанций, говорят: похлопочите о себе, подумайте о себе... А я им говорю: сколько захочу, столько и буду жить!».

Казачка с характером (*Нонна Мордюкова*)

Ноябрина (Нонна) Мордюкова родилась на Кубани – в станице Отрадная Донецкой области 27 ноября 1925 года. Своим редким именем она целиком обязана матери. По семейному преданию, однажды мать познакомилась с хорошей женщиной, которая поразила ее своим рассказом о том, как она встречалась с Лениным. И звали ту женщину Нонна. Когда в семье Мордюковых родился первый ребенок (это была наша героиня), мать пошла в сельсовет регистрировать ребенка. Попросила назвать Нонной. Однако регистраторша посмотрела в свою книгу и такого имени там не нашла. Тогда она посоветовала матери назвать девочку *Ноябриной* (на дворе как раз был ноябрь). «Потом сложите первый слог с последним и будет вам Нонна», – сказала регистраторша. Мать так и поступила. Семья Мордюковых была многодетной: после нее на свет родились еще пятеро детей (два брата и три сестры).

Отец Мордюковой был военным, а мать работала в колхозе. По словам самой Мордюковой: «В моей памяти как бы полное отсутствие отца. Наверно, это потому, что он был постоянно в военных лагерях. И там, я думала, он будет всегда. Мне не повезло: я не любила своего отца...»

В основном маленькую *Ноябрину* воспитывала мать. Это была умная, работящая и наделенная неплохими артистическими данными женщина. Последнее качество позднее передалось и ее старшей дочери.

Мордюкова была старшим ребенком в семье, и на ее плечи ложилось множество забот. По ее же словам: «Еще маленькая была, а уже в поле тяжело работала, за скотиной смотрела, ведра тяжеленные с водой таскала. А тут братья да сестры пошли младшенькие – один за другим, один за другим. И потаскала я их на закорках, и понянчила вдоволь, и соплей понавывтирала».

В отличие от отца, о своей матери Мордюкова вспоминает с любовью: «Мама меня любила не за то, что я была маленькая и хорошенькая, а за то, что я понимала ее больше всех, была ее как бы тихим стражем. Мне кажется, мама искала кровного союзника во всех разговорах и видела таким только меня».

Однако чуть ниже есть и такие строчки о том же человеке: «И все-таки был в моей жизни момент, когда я ненавидела свою маму. И ее подагру на левой ноге, и то, что она шибко много знает, и то, что она лучше всех. Все у нее лучше всех, а сама она все брюхатая и брюхатая. А нянчила я!..»

У матери Мордюковой был прекрасный голос, и она замечательно пела как русские народные песни, так и романсы. Не отставала в этом плане от матери и ее старшая дочь. Однако уже с 12 лет девочка начала мечтать не о музыке, а о кинематографе. По ее словам:

«Еще учась в школе, заразилась мечтой пойти туда, где делают волшебные произведения – кинофильмы... Просмотры фильмов происходили у нас в непритязательных условиях: хатка под камышовой крышей, проекционный аппарат стоит тут же, среди зрителей...»

И вот в свои 12–13 лет я была не только заморожена происходящим на экране, но еще и удосуживалась по-хозяйски прикинуть возможности воздействия кино на сидящих в зале, понять силу гипноза экрана и нужность его для того, чтобы быть поводырем к осязаемой цели взрослых – построению новой жизни».

Тогда же юная Мордюкова после просмотра фильма «Богдан Хмельницкий» (1941), в котором главную роль играл знаменитый актер Николай Мордвинов, отважилась написать ему в Москву письмо. Как это ни удивительно, но послание дошло до адресата, и даже более того – Мордвинов прислал своей 12-летней «родственнице» ответ. В нем он советовал девочке закончить 10 классов и попробовать поступить во ВГИК.

Однако потом грянула война, и мечту о кинематографе пришлось на время отложить. Семья Мордюковых попала в оккупацию. По словам Мордюковой: «Вспоминаю, как немцы

входили к нам. Шли они днем по шоссе, двигались к перевалу Северного Кавказа. Улицы пустынные, все наблюдали за ними из щелей домов... Мы были уверены, что они пройдут через нашу станицу – и все, больше не будет их. Кто-то что-то должен же сделать, чтобы прогнать немцев...

Как село солнце, немцы сразу по хатам и сараям стали на ночь селиться. «Млеко! Млеко, меди!» – слышались их приказы. Деловое устройство каждой персоны проявлялось четко. Звякали крышки от кастрюль и чугунков, немцы раздевались, поливали друг друга с головы до ног. Жарко. Расселись за столы. Доставали что-то из рюкзаков, а что с печки брали. Усталые. С местным населением не общаются, как будто это мухи, летающие в жару...

К нам никого не подселили – хата мала, а детей куча...»

Десятый класс Мордюкова окончила в Ейске в 1945 году и сразу после этого решила выполнить напутствие своего астрологического «родственника» Н. Мордвинова – отправилась в Москву «поступать на артистку». Благо что год **Петуха** считается для Быка удачным: «настоящий подарок», как написано в гороскопе. «Подгадала момент, когда мама в Старошербиновку уехала на рабочем поезде. Братья и сестры с охотой приняли мою игру в сборы и проводы, – вспоминала Мордюкова. – На «горище» (чердаке) брат нашел самодельный деревянный чемодан с переводными картинками на крышке, завернули на дорогу кукурузных лепешек. В старом чайнике в беспорядке хранились деньги, весь семейный капитал. Взяла шестнадцать рублей, подкрасила немного губы типографской краской (мать одной девочки работала в газете «Ейская правда» и на газетном клочке приносила красную и черную краску себе и подругам, а мы ее потом разводили постным маслом)...

Ехала до столицы долго – четыре дня... Боже, как трудно было мне найти этот ВГИК! Помню, на трамвае № 39 дозвякали, дальше немного пешочком. А вот и они, эти столбы с арками и колосками. Правильно: слева ВДНХ, справа ВГИК...»

Мордюкова пришла на экзамены совершенно неподготовленная. Кроме этого, она и выглядела соответственно своему происхождению: на ней было старое ситцевое платье и галоши. Предварительно ничего не учила: ни стихотворения, ни басню, ни прозу. Когда же дошла очередь до нее, она просто взяла и стала рассказывать экзаменаторам истории, которые сама сочинила еще дома. По ее словам: «Я кинулась рассказывать, что было и чего не было, в такой раж вошла, что аж «тырса полетела». Они уже все покотом покатались, платочками слезы вытирают от смеха, а я наярываю еще больше: чувствую, на золотую жилу напала».

Судя по всему, абитуриентка рассказывала свои истории так талантливо, что высокая комиссия не устояла – девушку зачислили на первый курс (мастерская Б. Бибикова и О. Пыжовой). Первый семестр был испытательный, после него многих студентов должны были отчислить. Однако Мордюкова во ВГИКе училась на «отлично», поэтому ни о каком ее отчислении речи никогда не шло. Жили студенты-лимитчики в загородном общежитии на станции Лосиноостровская. Жили, как и все тогда, несладко.

«Есть хотелось круглосуточно, – вспоминала героиня нашего рассказа. – Снилось, что ты дома, что-то жуешь с жадностью, набираешь каких-то пышек, а просыпаешься – пусто. Видишь только, как спят твои коллеги в одежде, в обуви, сверху накрытые матрацами...

Да, первые послевоенные годы были ужасно тяжелыми. Нам давали рабочую хлебную карточку. Хлеб весь мы тут же, в магазине, съедали до крошечки, а то и наперед брали. Вечно забирали хлеб на десять дней вперед... Стипендии хватало ровно на четыре дня, потому что, получив деньги, бежали на рынок и покупали у частников хлеб. Так вот несколько дней попируем – и хлеб, и картошка, – потом опять жди...»

В 1947 году, когда Мордюкова училась на втором курсе, режиссер Сергей Герасимов решил экранизировать популярный тогда роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Для исполнения главных ролей в фильме требовались молодые актеры, студенты ВГИКа. Отбирать их

в институт приехал сам Герасимов. В числе прочих на роль Ульяны Громовой была отобрана и 21-летняя Нонна Мордюкова.

Съемки фильма проходили летом 1947 года на родине «молодогвардейцев» – в Краснодоне. Как вспоминает сама актриса:

«Надо было идти в дома тех родителей, детей которых нам предстояло играть. И я поутру побежала в хутор Первомайский к реке Каменке, где мне указали домик Громовых. Постучала и вошла. Вытянувшись, как перед смертью, мать Ульяны лежала, слившись с кроватью, и, видимо, не поднималась уже давно. «Вот, вот она, – подумала я. – Это Уля, только в возрасте и больная». (Она так и не встала больше с постели.) Какое иконописное лицо, длинная шея и большие черные шары – зрачки. Уля, конечно, взяла у нее более смягченный вариант.

Отец засуетился, стал угощать сорванными с грядки огурцами с пупырышками. Он ладонями протер огурцы, еще затуманенные утренней росой, и подал мне:

– На, Ульяша наша, ешь!..

Сели обедать. Мать еще раз улыбнулась какой-то, мне показалось, снисходительной улыбкой:

– Тебя, девушка, хорошо подобрали на роль Ульяши, только ты очень смуглая, а Ульяша была белотелая. Скажи там, чтоб тебя подгримировали...»

Фильм «Молодая гвардия» в 1948 году стал лидером проката (около 80 млн зрителей посмотрели его) и был награжден Сталинской премией (1949). Он оказался счастливой путевкой в большой кинематограф не только для Мордюковой, но и для целой группы других советских актеров. В нем снимались Сергей Бондарчук, Инна Макарова, Сергей Гурзо. Роль Володи Осьмухина сыграл 19-летний Вячеслав Тихонов, первый муж героини нашего рассказа.

До него она встречалась со студентом все того же ВГИКа Петей. Сама она так вспоминает об этом:

«Я тогда «крутила романчик» с одним пареньком. Ну такой он был красивый – невозможно! Я иногда пользовалась его лекциями. Мне, признаться, боязно было брать в руки его тетрадки – белоснежные страницы, чертежики, маленькие такие, аккуратненькие... Ногти у него полированные, белье пахнет мылом – он каждый день стирал в общежитии.

Из дому, с подмосковной станции Железнодорожная, он привозил баночки, завязанные бантиком, с квашеной капустой, медом. Еще чемоданчик картошки, свеклы, морковки. Вечерами в коридоре на керосинке готовил себе еду...

Он пионерчик из пионерского лагеря. И в этом его прелесть. А какой красавец, какой отличник! По всем предметам...

Лягу, бывало, спать и думаю: вот бы сшить ему из черного вельвета куртку на молнии – как бы ему шло! Купила я ему все-таки отрез этого черного вельвета, и мы пошли к одной тетке – портнихе. Она, правда, упиралась: мужикам не шью. Но я ее убеждала, умоляла – и уговорила. И фасон сама нарисовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.